

ИЛЬЯ ДЮДЯЕВ

ОХОТНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Дюдяев

ОХОТНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33394078

SelfPub; 2018

Аннотация

Погружённому во тьму миру нужны герои... или хотя бы те, кто сможет разогнать тьму. К несчастью, таких осталось мало, немногие способны противостоять ужасу из темноты, огромным клыкам и красным глазам, рёву, который заставит ушачённо забиться сердце даже самого смелого воина. Таких осталось мало... но они есть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Иная сторона разума	12
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	60
Иная сторона разума 2	82
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Пролог

Гритор смотрел на закат, покуривал трубку. Подул ветер, разгоняя жару, ветки деревьев захлопали, листья зашелестели. Подошёл Дак, уселся рядом, на телегу.

– Опять приходит ночь, – сказал Дак, – и каждый раз надо проходить это испытание. Скажи, не надоело?

Гритор выпустил пару колечек, погладил седую бороду.

– Знаю лишь одно, юноша, – ответил Гритор, – надо держаться и не делать глупостей.

– Но это... неправильно! Нельзя терпеть, со временем нас выдавят! Я уже не могу сдерживаться, ярость полыхает в моей душе. Я уже готов вступить в ряды охотников, чтобы истреблять тварей!

Гритор перевёл непроницаемый взгляд на Дака, затянулся.

– Нельзя отдаваться гневу, он затмевают разум. Со временем ты поймёшь.

– Но как же? Мы должны их остановить...

– Есть преграды, которые надо просто обойти. Наша преграда приходит каждую ночь, но мы не должны бежать сломя голову, выкрикивая яростные слова. У нас есть семьи, которые нуждаются в нас, мы не имеем право бросать их на произвол. Каждый день дети радуются солнцу, и эта улыбка должна доставлять тебе счастье.

– Ты, правда, думаешь, что мы сможем защититься? Я всегда считал, что со временем нас продавят и нужно что-то делать.

– Мы сможем, – сказал Гритор, посмотрев на севшее солнце.

Семья Доннеров сидела тихо, как мышки. Окна закрыли занавесками, дверь подпёрли столом, а снаружи телегой.

Жуткий вой донёсся из леса. Маленькая девочка прижалась к женщине, посмотрела на неё.

– Мама, нас съедят?

Женщина пустила слезу, сжала маленькую ручку до боли, но девочки ничего не сказала.

Возле ворот все мужчины деревни с факелами и вилами, топорами, молотами для кузни. Раздалось пыхтение, ворота зашатались, лишь толстая жердь удерживает чудовищную силу, скрывающуюся во тьме.

Вой повторился, мужики прижались спинами друг к другу, образовав круг. Через стену с заточенными кольями перепрыгнул огромный волк с горящими глазами, острым оскалом. Он выгнулся, вытянул морду, селяне слышали жуткий вой.

Мужики еле держали оружие в дрожащих руках, вплотную прижались к друг дружке, кто-то начал тихо молиться, заикаясь в каждом слове.

Волк двинулся, обходя круг людей, рыча, показывая клыки.

Чудовищный рёв прокатился по деревне, ворота зашатались, жердь разломалась пополам. Лохматый зверь с зелёными глазами ворвался в деревню, мотая рогатой головой.

Светловолосый парень яростно закричал, сжал вилы и кинулся на волка.

Сидевший на ветке филин видел, как монстры прибывали через сломанные ворота, слышал крики людей, рёв чудовищ, одним глазом наблюдал, как они двигались по деревне, ища добычу.

Глава 1

Под лучами солнца по пыльной дороге идёт путник в лёгкой куртке, с ярко-рыжей шевелюрой. На ремне весит узкий меч в чёрных ножнах, с другой стороны – нож в форме крюка. Воздух густой, этому месту давно не хватает дождя.

Виднеется гора, у подножья селение обведённое стеной толстых брёвен, высокие ворота с задвижкой и дырами от когтей. Путник постучал ногой по воротам, окошко открылось, показалась хмурая рожа.

– Чаво надо? – ворчливо спросил стражник, сплюнув под ноги.

– Впусти.

– Непаложена! Главный запретил!

– Скажи: пришёл охотник.

Задвижка захлопнулась. Шумно выдохнув, путник взглянул на ворота. Провёл ладонью по ободранным краям, вытащил щепки, засунул палец внутрь, который ушёл почти на треть.

Ворота открылись, загребая землю. Стражник поправил шлем, но тот съехал.

– Проходи, главный ждёт.

Охотник зашагал, сзади раздался грохот падающего бруса. Грубые дома по бокам с окошком обтянутым жёлтой плёнкой. Впереди деревянное двухэтажное здание с балко-

ном и остроконечной крышей.

Запахло кислятиной, вдалеке ор и стук. Вбежав по скрипучим ступеням, путник открыл дверь. Дедок в балахоне и с редкими волосами вскочил со стула.

– Вы кто? Хозяин занят!

Охотник, мельком взглянув на старика, осмотрел прихожую. Стол с качающейся ножкой, затухающая лампа, полутьма, облезлые стены.

– Хозяин занят. Если что хотите, говорите, я передам, – повторил старик.

Перчатка с пластиной на тыльной стороне оттянула ворот, оголяя круглый медальон с выгравированным рисунком рук, которые держат медвежью голову.

Дед взглянул на грудь незнакомца, засуетился и забормотал, неаккуратным движением сшиб лампу со стола. Охотник поднял потухнувшую лампу и поставил на стол.

– Веди, – сказал охотник.

Развернувшись, старик побрёл по узкому коридору. Быстрее, чем надо, дыхание участилось, а лицо покраснело. Дойдя до двери, постучал дёрганой рукой и открыл.

Посреди просторной комнаты в каменной чашке горят дрова, за толстым столом мужчина с грушей вместо носа и широким лицом. Ложка остановилась у рта.

– Какого хрена, Ален?! Я ем!

Старик замямлил, лицо его стало лиловым, а ноги подогнулись. Охотник, слегка оттолкнув старика, прошёл в ком-

нату.

– Кто ты такой?!

У гостя дёрнулась скула.

– Охотник, господин, – сказал Ален, выглянув из-за двери.

Мужик кашлянул и упал в кресло.

– Я, Ди'Лорг, комендант рудника. Чего так долго? Два дня уже прошло, – Лорг поёрзал на скрипучем кресле, удобней усаживаясь. – Ладно, кхм, недавно, около трёх дней назад, в лесу, что северо-восточней, пропали жёны рудокопов, попёрлись бабы за грибами! – комендант налил в деревянный кубок вина, отхлебнул и утёр рот. – На поиски отправили отряд во главе с егерем, вернулся один человек с бешеными глазами без оружия и доспеха, всё побросал, лишь бы быстрее бежать. Говорит, в лесу есть пещера, возле неё земля красная от крови, а в пещеру ведёт кровавая полоса. Там, говорит, и зацепили, видел лишь тёмную шкуру... мельком, да слышал рычание и визгливый смех. Убежал лишь потому, что был вдалеке. Говорит, что за ним гнались, а мерзкий смех преследовал по всему лесу. Повредил ногу, но, как понимаешь, не тронули, – комендант посмотрел в равнодушные карие глаза. – Охотник?

– Возможно, одиночка.

– Тот солдат, как узнал, что придёт охотник, просил кое-что передать ... как же там... Ален, Ален!

– Да, господин?

– Что там бормотал этот... как его... Ну со сломанной ногой в город на телеге уехал!

Старик полазал внутри одеяния, вытащил помятый кусок бумаги.

– Кхе-кхе... Хрустящие ветки, усыпанные жёлтыми листьями, а из-за деревьев чёрная морда с оскалом и смехом.

– Во! Учился где-то, но когда настала война, решил помочь родине, думал, пойдёт тварей рубить, а попал сюда, на рудник, защищать рудокопы жопы. Ха-ха-ха. А видал, что на воротах? Сегодня утром, приходил чёрный зверь, похожий на медведя, но быстрый, как кот. Я вот думаю, если бы я тогда не настоял на высоте ворот, мне бы аукнулось это сегодня?

– Нужен проводник, пойдём ночью.

– Странно... но тебе видней. Будет проводник. Ален, отведи... гостя в комнату, что по соседству с моей, а после обед принеси.

– Хорошо, господин, – сказал старик, мельком взглянул на рыжеватую голову, – Пойдёмте.

Охотник двинулся за коричневым балахоном. Выйдя из комнаты, свернули и наткнулись на лестницу. Гость, поднимаясь, взглянул под ноги, на подгнившие доски со щелями. Перила с не обработанными краями напоминают квадрат. Зазвенели ключи, старик открыл дверь. Небольшая комната с кроватью, столиком и окном с мутным стеклом.

– Вот, проходите. Я принесу обед... подождите немного.

– Разбуди глубокой ночью.

– Как скажите.

Охотник сбросил ножны на стол, сел на жестяную кровать.

Иная сторона разума

Камень рассыпался под ногой, скатился вниз по скалистой тропинке. Ренар успел схватиться за выступ.

Утреннее солнце настойчиво бьёт в глаза, ночной холод ещё ходит по земле.

Ренар спал у реки, около высокого дерева с пушистыми ветвями. Вода излучала холод. Умывшись, позавтракал сушёной рыбой и сухой помидориной, закинул мешок за спину и побрёл.

Ренар поднялся по тропинке на старую дорогу с разбросанными булыжниками и дырами, местами лезет трава. Здесь должны проходить повозки, возить продовольствие, но попробовав дорогу раз, больше не ездят – лошади ломают ноги, а повозки колёса.

За поворотом прошёл крик. Ренар напрягся.

– Что ты за тупой ишак! Валон! Я же сказал, направляй их! Чтобы на булыжник не наехали и в яму не попали! Ты слепой?!

– Да я вижу... но они тянут, а я боюсь тащить.

– Ты придурок?! Откуда ты такой взялся! Тащи, мать твою!

Две лошади неуверенно ступают, тягая грохочущую повозку, рядом мужчина с заспанным видом.

Ренар встал посередине дороге.

Мужик, увидев человека, остановился.

– Чё ты встал, как debil! Топай!

– Господин Мирахарт, там человек.

Дядька с брюхом и толстыми губами хмыкнул.

– Всем стоять. Линдер, готовьтесь, походу это разбойники.

Мирахарт пошёл вперёд.

– Пойдите! Может с вами? Вдруг это ловушка! У него меч!

– Линдер, делай, как я говорю! Я плачу за это! Слушайся меня!

Дядька остановился в пяти метрах от Ренара.

– Кто ты такой, мил человек?

– У меня тот же вопрос. Кто вы такие?

Из-за повозки вышел высокий воин с длинными золотистыми волосами, встал рядом с дядькой.

– А не слишком ли ты себя нагло ведёшь? – спросил он.

– Заткнись-ка, Линдер, – сказал Мирахарт.

– Ты думаешь, я не знаю кто ты такой? Да я твою прогнившую душу насквозь вижу!

– Заткнись! Я прошу прощения за мо...

– Ты шваль последняя. Я, таким как ты, головы отрезал!

Раздался щелчок. Мирахарт ударил в щёку, Линдар отшатнулся, не понимая, но спустя секунды схватился за рукоять, глаза загорелись гневом.

– Я сказал, заткнись!

Линдар сплюнул и ушёл.

– Прошу прощения за представление. Понимаете, он немного не в себе. С тех пор как семью разбойники подловили да... плохое, в общем, сделали. Так он и голову потерял.

– Я похож на разбойника? – спросил Ренар.

– Обычно они встают на дороге, устраивают ловушки, а потом накидываются сзади, как крысы, и убивают, – сказал Мирахарт, натянуто улыбаясь.

– Могу успокоить, я один.

Мирахарт вежливо улыбнулся, но глаза, будто копают траншею.

– Ох, это, как камень с души. Слава богам. Я купец, мы едем в Дорн. Дорога эта коротка, а время очень нужно.

– Вы из Паркона?

– Да.

Ренар пристально смотрел Мирахарту в глаза. Он знает, как выглядит: безэмоциональные глаза, рот в полоску, лицо, будто из дуба.

– Говорят, там переполох какой-то? Что случилось-то?

– Дааааа... пристань взорвали. Наалхимии что-то, – сказал Мирахарт, вздохнув. – Так как будем решать вопрос?

– Всё просто, я остаюсь здесь, а вы проезжаете.

К дядьке подошёл воин с чёрными короткими волосами, шепнул:

– Плохая идея, он может за нами проследить, а ночью одним за другим погромсает. Пускай идёт с нами, спереди.

Мирахарт хмыкнул.

– Давай лучше ты вперёд пойдёшь, а мы постоим, – сказал он.

– Вам же важно время? Чего боитесь? Я один.

– Ладно. Виндар, поехали.

Черноволосый пошёл следом за Мирахартом, жужжа в уши:

– Не отступайте от своего, посмотрите на его волосы, а лицо, я видел таких. Послушайте...

Мирахарт остановился, яростно глянул на Виндара, зашипел, тыкая указательным пальцем в лицо:

– Нет, это ты послушай. Вы с братом что-то не понимаете, главный тут я, не ты, не он, а я! Я! Ясно?!

Виндар опустил голову.

– Ясно.

– Вот и отлично, а теперь иди и следи, чтобы мы спокойно проехали недоразумение.

Ренар скрестил руки на груди. Линдар прошёл рядом, гневно смотря. Лошади забрыкались, словно увидели голодного волка, у одной пошла пена. Люди недобро покосились на Ренара.

– Ну чё вы встали? Вперёд!

– Господин Мирахарт, тут лошади... наверное надо...

– Твою мать!

Подошёл Мирахарт, вскоре и Виндар. Кони встали на дыбы, попытались выбить крепления. Люди забегали вокруг

лошадей, ловя поводья.

– Успокойте! Успокойте лошадиные морды! – закричал Мирахарт, посмотрел на незнакомца.

Ренар воткнулся взглядом в камешек на земле. Что-то поменялось, маленькое, почти незаметное, как дрогнувшая паутинка, но он услышал.

Ренар поднял указательный палец. Люди странно глянули на него, будто в их доме собрался указывать чужак.

– Да кто ты такой, чтобы затыкать! – крикнул Линдар.

Ренар посмотрел так, что он опустил голову и заворчал. Все притихли, даже лошади перестали храпеть.

Звук повторился отчётливее, но тихо, как шёпот. Утробный вой.

Ренар вскинул голову.

– Вы кого-то привели.

Мирахарт хрюкнул. Линдар вышел вперёд, тыча пальцем.

– Да ты всё врёшь! Ты обычный разбойник! Твои дружки небось подходят! Или что-то готовят! Ты тянешь время!

– А почему это мы привели, а не ты? – спросил Мирахарт.

– Один человек против восьми коней и тринадцати людей.

Кто вкуснее?

– Это волки? – спросил черноволосый.

– Вряд ли. Слишком быстро бегут, тихо. Жить хотите? Бросайте повозки... и лошадей. Идите впе...

– Стой! Что?! Бросить?! Ты больной?! Я на это столько денег вбухал, а получить должен в три раза больше! Понял?!

В три! – завизжал Мирахарт, брюхо затряслось в такт крикам.

– Повозки можете на себе тащить, а лошадок надо оставить как прикормку, чтобы умерить пыл.

– Не слушай его, – вмешался Линдар, – это хитрожопый разбойник, гниль и падаль, он пытается хитростью вынудить бросить все вещи. Ведь людей у них мало и они трусы. Так? Я прям гадалка! Слушай меня, засранец, если думаешь, что вот так легко обыграть уважаемого человека, то ты ошибаешься! И да, я уже говорил, что отрежу тебе башку?

Ренар ехидно улыбнулся.

– Ваш путь зависит от вас, как и мой.

Он пошёл вперёд по скалистой дороге.

Лошади взбесились хуже прежнего, заспанному мужику прилетело копытом в глаз. Линдар продолжил орать в спину незнакомца, а Мирахарт открыл рот.

– Успокоить лошадей! – рявкнул Виндар, схватил коня за узды, взгляделся в бешеные глаза и погладил по морде. Лошадь забрыкалась, но успокаивающие поглаживания предоставили иллюзию защиты. Тяжело дыша, конь повиновался. – Работаем по плану, едем в Дорн.

Когда Ренар был маленьким, читал книгу про животных. Больше внимание уделялось хищникам. Пантеры, тигры и львы из семейства кошачьих обладают когтями, которые с лёгкостью разрезают плоть. Но ему больше нравились волки, санитары леса. У них нет смертоносных когтей, больших

кльков, проигрывают по всем параметрам большим кошкам, но живут стаями, у них есть иерархия, вожак решает что делать. Если кошки – одиночки, то у волков подобие общества, охотятся вместе, защищают территорию вместе, всё делают вместе, как люди, но и среди людей есть и волки и львы.

Волк-одиночка не миф. Они уничтожают слабых и больных, а в голодные времена поедают. Волк, чувствующий беспомощность уходит из стаи, обрекая себя на вечное изгнание и питание объедками. Ренар чувствовал себя таким же, только с кучей себе подобных в клетке.

Их неумолимый голод может толкнуть на пожирание детёнышей, резкая боль в животе бросает на совершение скверных дел. Лютый голод высасывает остатки разума, заставляя безумствовать. Трудно просто лечь и дожидаться конца, ловя мучительный отклик желудка. Большинство живых существ начнёт рвать и метать, дабы заглушить эту обжигающая печь. Пускай это будут остатки, которыми побрезговали сороди-чи, полуразложившийся труп с червяками или опасный враг, надо попробовать, возможно, другого шанса не будет. И почти всегда шанс не оправдывается.

За Мирахартом идёт сильный, крупный и безумно голодный зверь. Он не остановиться пока не утолит голод.

Ренар поднялся на гору, прохладный ветер затеребил рыжие волосы. С высоты обзор достиг моря и великого леса. На равнине раскинулись пшеничные поля Дорна, города земледельцев.

Это лишь одна гора из цепи. Копьёвы горы были оживлённым местом. Проходили торговые маршруты, маршировали армии, добывали металл, пока не пришли монстры.

Ренар закрыл глаза, ветер, словно прошёл сквозь, оставив шум. Умиротворение, тишина. Далёкие крики птиц, будто на крохотной лодке в открытом море. И лошадиный визг. Внутри что-то дёрнулось, что-то давно забытое, утерянное в глубине сознания.

К вечеру он спустился по крутой тропинке. Дорога из песка ведёт в Дорн, по бокам зелёные кусты, Ренар постелил куртку и скинул мешок. Поужинав остатками рыбы, он прилёг. Сон пришёл через секунды.

Послышался топот и разговоры людей. Ренар открыл глаза и схватился за рукоять меча. Луна тускло осветила поляну, ушла за облака.

– Боже, как гудят ноги, я не вынесу. Похоже, я натёр мозоли, больно идти. Дерьмо! Линдар, долго ещё идти?

– Господин Мирахарт, ещё топать и топать.

– Нет, всё, привал. Слышите? На сегодня всё, ищите место.

Ренар перевернулся на спину, встал на колени. По дороге идут поездом люди, в начале в середине и в конце светят синие светильники.

– Господин Мирахарт, может, лучше продолжим идти? Утром доберёмся до Дорна, под защиту высоких стен, и никакая опасность угрожать не будет.

– Нет, Виндар, я больше не могу. Я чертовски голоден и устал, как пёс, и я уже засыпаю, разводите костёр и приготовьте поесть.

– Лучше этого не делать, – сказал Ренар, выходя из темноты.

Виндар молниеносно, как кобра, взмахнул мечом. Ренар перенёс вес тела на другую ногу, клинок прошёл в сантиметрах от лица, раскроив воздух.

– Волки боятся огня, – сказал Виндар, убрав меч в ножны.

– Это не волки, огонь для них лишь сигнал готовой еды. И скажи брату, чтобы опустил арбалет, иначе кто-то лишится руки, – сказал Ренар.

Линдар опустил арбалет.

– Как ты узнал? – спросил он.

– Ты, ты, ты! – заорал Мирахарт. – Я всё сделал, как ты просил, отдал восемь отборных лошадей! Столько мяса! С чего они продолжают гнаться?!

– Я не спаситель. Тогда вы не дали мне договорить, те слова ушли безвозвратно. Чтобы они отстали, мало дать еды. Они голодны и это их территория. Каждый из них ростом с лошадь, они не упустят шанс накопить больше припасов. Оглянитесь вокруг. Вы видели хотя бы одного зверя? Лишь птицы решаются пролетать здесь, и то не задерживаясь, – сказал Ренар.

Мирахарт уставился на Ренара раскрытыми от ужаса и обиды глазами.

– Мы начнём сначала, – сказал Линдар, поднимая арбалет. – Кто ты такой?

– Помнишь про руку? – спросил Ренар.

Люди ждали, пока Мирахарт разберётся, и они пойдут или разведут костёр и лягут спать, но усталость взяла своё, они сели на землю.

Раздался щелчок, Линдар выстрелил. Ренар выдернул меч, болт попал в клинок, и рубанул. Разошёлся звон, сталь врезалась в сталь. Виндар остановил клинок около кисти брата.

– Твою мать... – прошептал Линдар.

Из-за резких движений на грудь Ренара вылез медальон. Мирахарт открыл рот, шлёпнулся наземь.

– Он использует нас как приманку! Он хочет отдать нас на съедение чудищам! – закричал он.

Гектор дотронулся дрожащей рукой до ушибленного лошадыю глаза, чудовищно заплывавшего и лилового. Ощущения, будто правая сторона лица онемела, только пульсирует болью иногда, а дотронешься, летят искры из оставшегося глаза.

Связка дров, что он тащил почти весь день лежит у ног. Надо развести костёр, господин Мирахарт голоден, хочет тепла и света, но руки и ноги сами по себе, тело дрожит. Перебрал вчера, ещё не ел с утра.

Подошёл Марк, распорядитель. Гектор завидует ему с

первой встрече. Всегда с чистым лицом, не загаженной одеждой, лёгкая работа, указывать. Он уверен, что нужен всегда, что не выкинут после выполнения разовой работы.

– А ты чего ещё не развёл костёр? Господин Мирахарт приказывал давно... а, тень. Я же забыл, вот держи, – сказал Марк и кинул мешочек на землю. – Только себя не сожги, хотя...

Он с презрением глянул на Гектора и ушёл. Гектор схватил дрова мёртвыми руками и потащил. В нескольких метрах от дороги, на лужайке, он вывел поленом большой квадрат, сложил дрова домиком, как когда он ходил с ребятами в поход. Он с теплотой вспоминает те далёкие дни. И куда делась любовь мира, что была в детстве...

В мешочке серый порошок, похожий на золу. Гектор раскрыл его, взял добрую щепотку и обильно осыпал дрова. Он видел несколько раз, как зажигали огонь с помощью порошка, но боязнь зажечь руку не отступает. Гектор яростно отёр ладонь об одежду и спохватился. Воды нет. Посмотрев по сторонам, он набрал слюны и плюнул на дрова. Порошок зашипел, выпустил дымок. Сзади раздался крик:

– Ты что делаешь, кретин?! Совсем больной?!

– Марк, я... не нашёл воды и тут... я подумал, что...

– Ты подумал? О-о-о-о, это интересно, давно думать научился? Ладно. К кучеру иди, у него, кажется, не только вода... только смотри! Ни-ни!

Кучер страстно любил лошадей, он одинок, и лошади бы-

ли радостью. После того как господин Мирахарт приказал бросить всех, он приуныл. Гектор частенько с ним выпивал, но так и не узнал его поближе.

– Привет, как дела? – спросил Гектор.

Кучер махнул головой.

– Но-ар-рмально...

Гектор захотел поднять настроение приятелю, вывалить многообразие слов, задавить эмоциями, сказать, что это не конец, лошадей много, но понял, что говорить должен не он, а такие, как Марк.

– У тебя, кажется, вода была. Дай немного, пожалуйста.

Кучер покопался в вещах, вытащил бутылку с коричневой жидкостью и фляжку.

– Вода во фляге? – спросил Гектор.

Кучер кивнул и откупорил бутылку.

Гектор склонился над костром, порошка совсем не видно, синий свет от светильника едва помогает. Он посыпал ещё. Отвинтив крышку фляжки, вздохнул и щедро полил дрова. Взметнулись искры, полыхнул огонь. Гектор отпрыгнул от костра с монетными глазами и пулемётным сердцем.

Огонь, резко поднявшись, через секунды осел, дрова мерно затрещали. Гектор присел и выдохнул. Он сделал это, зажёг костёр.

Подошёл Марк.

– О, зажёг, ура. Свободен... только не попадайся господину Мирахарту, на тебя противно смотреть. Эй, Вольнер, что

ты делаешь, придурок?!

Гектор посмотрел, как Марк орёт на очередного рабочего, вздохнул. Сегодня он будет спать на земле, вдали от костра, хочется верить, что дадут хотя бы еды.

В повозках были фарфоровые чашки, господин Мирахарт приказал взять два ящика, а остальные спрятать. Гектор помнит место, и внутри теплится надежда, что останется он один, привезёт дорогую посуду в город и продаст, разбогатеет, и жизнь наладится. Он больше не будет делать дерьмовую работу за еду, купит хорошую тёплую одежду и добрый дом, найдёт жену и заведёт детей. Это всё что он хочет и это кажется недостижимой мечтой

Несмотря на желания, Гектор знает, что сделает с деньгами, которые даст господин Мирахарт. Задаток уже потрачен на выпивку.

Он отошёл далеко от костра, видны лишь силуэты у огня. Бочкообразный господин Мирахарт, длинноволосый Линдар, угрюмый Виндар и севший в сторонке чужак. Свет едва доходит до него. С какой бы радостью Гектор присел у костра, ещё и с такими людьми, но его никто не позовёт.

Гектор вырос в маленькой деревне, на окраине лугов и полей. Он частенько играл в лесу. Однажды он встретил волка с окровавленной тушкой зайца в зубах. Волк был спокоен, но что-то говорило Гектору, что с таким выражением хищник загрызёт, если надо. Чужак напомнил того волка. Спокойного, но готового сделать плохое дело. Виндар слегка похожий,

но не достаёт целой ячейки чего-то важного.

Гектор не понимает, как они могут сидеть вместе, у костра, когда чуть не поубивали друг друга.

Подошёл мужик, такой же грязный, как Гектор, и свалился на землю. Гектор с ужасом осознал, что проживёт жизнь на земле, голодный, грязный и замерший.

Засыпая, он бормотал: «Я возьму мир в руки».

Ренар не спал. Нужны были силы, но он не собирался входить в незащищенное состояние.

Он сидел у костра, вглядываясь в огонь. Глаза закрыты, но всё чувствует, каждый шорох, тень.

Виндар и Линдар тоже пытались, но не выдержали. Блондин свалился первым и захрапел. Виндар скрестил ноги, глаза медленно, словно сползающая капля, закрылись.

Вдалеке послышался вой. Ренар открыл глаза, втянул воздух.

Зачем предупреждают? Хищник не оповещает добычу о приближении, он подкрадывается и показывает себя только перед тем, как впиться зубами в горло.

Они не достают пропитание, охотятся, забавляются, хотят увидеть страх, почувствовать страх жертвы.

Ренар потянулся к Виндару, чтобы разбудить, но остановился. Можно просто уйти, оставить людей. Ничего плохого они не сделали, как и хорошего. Зачем тащить чужую ношу? Он одиночка, и умрёт таким. С детства люди гадят и дела-

ют больно, так зачем спасать сейчас? Да, это другие, но ядро одно.

Ренар понял, что от лёгкого выбора зависит многое. Он потряхнул головой.

Виндар дёрнулся, странно посмотрел на Ренара.

– Надо уходить, – сказал охотник,

Линдар распинал всех, кто спал. Виндар разбудил Мирахарта.

– Вставайте, пора убираться отсюда. Живо!

– Что такое? Что... что происходит? Почему все бегут и кричат?

– Они рядом.

Пузан вскочил.

– Что?! Почему?

– Думаю, не надо задавать вопросов, лучше уйти.

Ренар бежит впереди, за ним Линдар и Виндар, несут выдохшегося Мирахарта, на конце болтаются мужики со слабыми лёгкими и ногами.

– Какой короткий путь? – спросил Ренар, сбавляя шаг.

– До Дорна не дойдём, – ответил Виндар. – Через лес крепость, овраг, как ров, опоясывает холм. Войти в неё можно только через мост. Дорога ведёт от горы, но мы давно её потеряли, а здесь петляет, найти трудно.

Изредка слушая вой, они добрались до леса. Густые заросли закрыли от звериных глаз. Мирахарт, жадно всасывая воздух, прислонился к дереву.

– Всё... ха-аха... я больше.. гм... не могу... х-ааа

– Надо-надо, – опёршись об колени, сказал Виндар, – осталось совсем чуть-чуть.

– Чья крепость? – спросил Ренар.

– Ничья, – ответил Виндар. – После падения гор её покинули.

Треснула ветка. Линдар резко обернулся, отпрыгнул, в грудь заполз леденящий ужас.

Оскаленная волчья пасть кляцнула. Ренар выхватил меч. Монстер прыгнул, но застрял меж деревьев, беспомощно мотая толстыми лапами, взревел.

– Уходим! – крикнул Ренар.

Ветки бьют по лицу, ноги норовят зацепиться за корешки. Крики, вой, хруст веток и ругань слились в ком.

Ренар вылез из густых ветвей, остановился у оврага. На высоком, как шпиль, холме каменная крепость с бойницами и башнями. Единственный путь – дряхлый мост над глубокой пропастью, куда даже не поступает свет.

В спину врезались. Ренар обернулся, взглянул на мужика с заплывшим глазом, Гектор шагнул назад.

Подбежал Линдар.

– Насмотрелся? Если нет, полюбуйся пейзажем.

– Не хватает мрачных облаков, грозы и птиц, – сказал Ренар.

– Что?!

– Это не овраг, а пропасть.

– Да какая разница? Осталось пройти по краю обрыва, и мы рядом с мостом.

Прожгло спину, кости заломило, интуиция завизжала, как сирена, но охотник проигнорировал сигнал

Гектор не понял, зачем это сделал. Он еле стоит на ногах, истощён переходом, рад, что может дышать, и странный голос шепчет: «Я возьму мир в руки». Он стал бесчувственным. Руки, будто взяли контроль, сотворили безумие, предательство. Они столкнули Ренара.

Падая, Ренар смотрел на тупое лицо Гектора, пока не столкнулся с деревом. Обзор сжался, свет померк.

Глава 2

Охотник резко открыл глаза, будто и не спал, взглянул на ноги. Сердце бешено стучавшееся замедлило ход.

В дверь тихонько постучали.

– Гос... эээ... Вы просили разбудить.

Ренар прошёлся до двери по обыкновению бесшумно, открыл наполовину.

– Благодарю, проводник готов?

– Да-да, ждёт вас во дворе.

– Сейчас выйду.

Закрыв дверь, охотник надел ремень с вделанным мечом и прикрепил нож, спустился по дряхлой лестнице и вышел из дома. В паре метров на лошади сидит мальчишка в плаще с факелом в руке, а в другой поводья соседней лошади.

– Слезай, пешком пойдём, – холодно сказал Ренар.

– Но как же... ведь идти далеко!

– Слезай, говорю, – грозно повторил Ренар. Паренёк послушался, слез с лошади и привязал обеих к столбу. – И факел потуши.

Парень вскинул голову, не веря глупым словам прищельца, но обречённо кивнув, подчинился и окунул горящую палку в поилку для коней.

– Меня Лионом зовут, – шепнул мальчик.

– Я рад, – сказал охотник, смотря на расцветающее небо, – сними плащ, – Лион снял и повесил на гвоздик, вбитый в кособокий столб. – Веди.

Выйдя за ворота, они свернули в лес, пройдя вдоль стены, оказались около холма. Хвойный лес испускает особенно приятные запахи в предрассветные часы. Ветки под неопытными ногами трещат, Лион, залезая на заросший холм, ухватился за смольное дерево.

– Тень! – зашипел парень, – теперь неделю не отмою.

Они поднялись на вершину холма, вдалеке, на границе между землёй и небом, засветлело, идёт рассвет. Спустившись в глубокий овраг, парень остановился.

– Там, дальше, пещера, – дрожащим голосом сказал он.

Ренар двинулся вперёд.

– Постойте! – задыхаясь от своей смелости, крикнул парень, – разв... разве вам не нужна помощь? – юношеская глотка передёрнулась. – Я хочу... я мог бы помочь, – смотря в глаза охотнику, он подумал только о том, чтобы Ренар сказал: «нет».

– Посиди здесь, – равнодушно, но с капелькой презрения ответил охотник.

За лохматым бугром Ренар увидел несколько сосен скрывающие пещеру, обложенную огромными булыжниками и сухим деревом. На поляне засохшая травка, окрашенная в тёмно-красный цвет, разорванные лохмотья, помятые шлемы и нагрудники. Мелкие кусочки костей разбросаны, как

еловые иголки. Медленно вытащив меч, охотник двинулся в пещеру.

Из каменного провала потянуло тухлятиной, размазанные красные полосы уходят в темноту. Глубоко вдохнув и выдохнув, Ренар перехватил рукоять двумя руками и направил кончик клинка к земле. Мягко ступая, он погрузился во тьму.

Лохматая лапа бесшумно опустилась на каменный выступ, коготки, похожие на крюки, один за другим расправились, глаза жадно глядят на жертву. Огромная пасть открылась в ухмылке, показывая здоровенные клыки. Звук пиршества, вкус свежей крови и мяса, залезли в звериную голову. Тело натянулось, готовясь к прыжку.

Ренар ощутил, с грохочущим молотом в груди, лёгкое шевеление на спине, будто провели играющими пальчиками от поясницы до плеч.

Бок сжался, будто его уже разорвали, Ренар не до конца осознавая, повернул меч, держа одной рукой, а ладошку второй руки приставил к изголовью рукояти и толкнул всем телом.

Из темноты, с раскинутыми лапами выпрыгнул зверь. Разгорающийся рёв сменился бульканьем, мохнатое тело с клинком в сердце упало на охотника. Из открытой пасти потекла слюна. Ренар чуть задрал голову, чтобы не попало в рот и нос.

Сбоку зажглись два огонька. Не как костёр, не медленно,

набирая скорость и силу, а резко, словно огонь никогда не затухал. Визгливый смех разбил монолитную тишину, с новым взвизгом страх глубже забрался в грудь. Тело заковано, податливая рукоять затвердела, будто меч обратился против хозяина.

Огоньки медленно закружились возле Ренара, и хоть в пещере темно, представляется зубастая пасть в кривой ухмылке. Глубокий вдох помог успокоить разбушевавшееся сердце. Руки напряглись, вытаскивая меч из груди мяса, ноги упёрлись в задние лапы мёртвого монстра. Ренар вылез наполовину, зверь кинулся, разевая пасть. Охотник рванул, одновременно вставая и замахиваясь. Меч прошёл широкой дугой, разрезая голову напополам.

Охотник глубоко задышал, успокаивая бегущую кровь. Руки опустились, будто потеряли силу, меч со звоном упал. Тело медленно опустилось на колени, голова повисла на груди. Через пару минут Ренар лёг на живот и, вдыхая тошнотворный запах крови, разложения и тухлятины, заснул.

Проснувшись, охотник долго лежал, смотря в одну точку. Ренар присел, осматривая пещеру, темнота уже не кажется страшной и не изведанной. Он встал, в голову ударило два колокола с разных сторон, в глазах потемнело. Подождав несколько долгих секунд, охотник поднял меч, на клинке местами засохла кровь, и воткнул в ножны. Рука нащупала нож, на лицо заползла полу-печальная полу-злорадная улыбка. Ренар подошёл к первому зверю, опустил на коле-

ни, в руки заполз нож. Пальцы проползли по клыку.

Свет уже рвётся в пещеру, наступил день, солнце вступило в права. Выйдя наружу Ренар не нашёл проводника, ехидно усмехнулся и вернулся к поселению. Подойдя к воротам, охотник услышал яростный храп. После стука ногой храп оборвался.

– Кто там припёрся... – проворчал стражник, открывая задвижку. – Так ты чтож, не сдох?

– За тобой вернулся, – сказал Ренар, мило улыбаясь.

Резко захлопнув окошко, стражник побежал, крича про проклятую душу.

– А мы уже думали, ты мёртв, – равнодушно сообщил Лорг, – Так значит, проблем больше не будет? – спросил комендант, наливая ароматный напиток в деревянную чашу.

– Возможно, – сказал охотник, поднимая уголок рта.

– Что это значит? – прошипел Лорг, смотря исподлобья. – У меня пропали люди! А другие отказываются работать! И хотят крови! Рудокопом почему-то не нравится, что едят их жён! Говори, что ты сделал!

Ренар залез в мешочек на ремне, клык размером в два пальца упал на стол. Лорг постучал пальцами по столу, представляя размеры монстра.

– Я всегда говорю, что клан нас не бросит, – мягким голосом сказал он.

– Я не из клана, – учтиво сказал охотник.

– Как это понимать? – Лорг прищурился.

Ренар поднял голову выше, расправил плечи, за спиной будто выросла гора, огонь в чаше присел.

– Я пришёл сюда по просьбе, а теперь прошу плату за труд.

Комендант отхлебнул дымящийся напиток, глаза поползли по высокому, но не широкому телу.

– Я плачу клану, – раздражённо сказал Лорг, отмахнувшись.

– Я не из клана, – повторил охотник с нажимом, – но беру свои деньги в любом случае.

Лорг осел в кресле, захотелось в туалет, наверное, выпил лишков.

– Сколько?

– Четверть от месячной платы.

– А не много ли?

– Я не торгаш, я пришёл за своими деньгами, и прошу... пока что.

Комендант потёр лоб.

– Ален, отдай ему деньги. Ален... Ален!

В комнату ввалились два солдата с копьями.

– Он вам угрожает, господин? – благородно закудахтал мужик с запотевшим лицом. – Вы только скажите, мы его вмиг вытурим!

– Да, вытурим! – поддержал другой, со свисающими усами.

За ними украдкой вошёл Ален с лицом героя, но, увидев Лорга, потух.

– Гос-господин, я тут подумал.

– Не надо думать, Ален! Не надо! Просто отдай ему одну даму и три валета и пускай идёт!

Слуга взглянул на скалящегося охотника.

– По-по-подёмте со мно-ой.

Ренар с ухмылкой прошёл рядом с солдатами, показывая белые длинные зубы.

– А вы останьтесь, спасители мои, – угрюмо сказал комендант.

– Вот ва-аши деньги, – сказал старик, отсчитывая трясущейся рукой.

Охотник неторопливо сложил монетки с изображением смазливового личика дамочки и каменного лица усатого стражника с пикой во внутренний карман, вышел во двор. По пути к воротам подбежал мальчишка, проводник.

– Извините меня, – парень утёр сопливый нос рукавом, – я думал вас там это... съели. Я долго ждал, честно, но... я побоялся.

Ренар отечески взглянул на паренька, улыбнулся редко, добро.

– Ты всё сделал правильно, цени свою шкуру превыше всего

Расправившись, охотник пошёл дальше, будто ничего не говорил, а парень остался стоять, думая над ценным советом.

У ворот два стражника, шутят и показывают руками фигуры, бьют через шлем по пустой голове.

– Открывайте, – тихо сказал Ренар.

Стражники захохотали, пихая друг друга.

– А кто это у нас тут расхотеловался, Петрух? Уж не тот ли, кто хоспадина нашего охрабил? – смотря притворно удивлёнными глазами, спросил один.

– Да, праф ты, Вошен. Ох и добрая дуфа у нафего господина, – умно замахал головой второй, – фыфечь бы такого! И не пофадно было бы остальным!

– А то сделают важное личико, мол, херои они и хребут золотишко. Сказал бы нам хоспадин, мы бы михом со всеми чудищами расправились! – горько проговорил первый.

– А давай покажем что мы сильнее, Вошен? – заулыбался другой, без двух передних зубов.

– Хах? Доверят им, ему, а не нам.

– Дафай победим его в фефном поединке! Как рыфари!

– Ты хений, Петрух! – захохотал Вошен и с силой хлопнул Петруху по плечу. – Мы докажем, что мы лучше их и хоспадин будет платить нам, а не им!

Ренар тихо засмеялся, показывая длинные резцы. Стражники разошлись вокруг охотника, выпятив руки, как борцы. Ренар пнул в колено Петруху, он шлёпнулся в лужу грязи. Приподнявшись на руках, стражник открыл рот, перчатка со стальной пластиной влетела в резец, снося ещё и соседний зуб.

Вошен хотел прыгнуть на спину чужаку и скрутить, как щегла, но передумал и быстренько ушёл за рабочими, чтобы

открыть ворота.

Петруха, искупавшись ещё раз в грязи, вынырнул и ползал языком в двух свободных гнёздах. Безумные глаза вцепились в лицо пришельца.

— Это теперь моё, — показал вылетевший жёлтый резец Ренар, — хотя... — охотник кинул зуб в грязь, — Можешь забирать.

Ренар развернулся и пошёл к воротам. Рабочие в четыре пары рук сняли брус и открыли ворота, натужно кряхтя. Пыльная дорога уходит вдаль, показывая бескрайные земли. Охотник зашагал, предчувствуя дождь, мягкие тёплые смывающие капли.

Вошен посмотрел в спину удаляющемуся чужаку.

— Ты посмотри, и зубы белее снеха, а длинные хахие! — с презрением сказал он, сплюнув под ноги. — Выродок!

Рядом, в грязи, закопошился Петруха, как червяк.

— И фуб мне фыбил! Фука! — закричал срывающимся голосом стражник и ударил, разбрызгивая грязь.

Глава 3

Кёртис проснулся поздно, по меркам военных. Через палатку прошёл перестук ложек о котелки, ругань и шутки. Медленно потягиваясь, парень привёл голову в порядок, вспоминая отца.

Кёртис любил отца, прославленного воина и генерала пережившего две большие войны и мелкие стычки. Кёртис вырос в бедном районе многонародного и грязного города. Мать он не видел, отец не говорил, а маленький стеснительный мальчишка не спрашивал. Отца не было по несколько лет, и сын оставался у соседей. В многодетной семье Кёртис чувствовал себя обузой, и из-за мягкости и робости корил себя.

Когда исполнилось шестнадцать, они переехали в богатый дом, в хороший уголок города, отца повысили. Кёртис стал получать образование, отец просил учиться на военного, продолжить воинский род. Кёртису же хотелось побеждать языком, а не клинком. Он считал, что словами можно больше добиться, чем оружием, но из-за податливости поступил в военное училище, но с политическим уклоном.

Он видел, как отец медленно хиреет, оставался в хорошей физической форме, но внутри, как старик. Разваливающиеся глаза зажигались только, когда видели сына, а на лицо заходила наполовину с радостью и печалью улыбка. Закалён-

ный вояка, разбросивший своё имя на полмира, не получивший никаких серьёзных травм в кровавых войнах, оставивший доброту в сердце, хотя видел столько жестокости, медленно угасал, как свечка. Он умер два года назад, в возрасте сорока пяти лет. Врачи разводили руками, никаких повреждений телу, лихорадки или чумы не было, он просто заснул, навсегда.

В последний раз Кёртис видел его сидящем в кресле-качалке возле камина, меховой плед окутывал почти всё тело, оставляя свободной голову, трубка без умолку дымила.

– Мальчик мой, как учёба? – задумчиво спросил отец, смотря в пляшущий огонь. – Ты давно не появлялся.

– Всё в порядке, папа, – ответил сын, весело улыбаясь. – Я скоро заканчиваю, много времени провожу за учебниками, хочется сдать отлично.

– Правильно, сынок. А какая дальше стратегия?

– Думаю, захватить пару важных точек и перейти в ближний бой, – засмеялся Кёртис.

– Это хорошо, но какое направление?

Сын тяжело вздохнул.

– Отец, я понимаю, что хочешь для меня лучшего, но не вижу себя воином. Я не силь...

– Это не так, ты умён, а сила это не только мышцы и скорость, и не хитрость с мудростью, а всё вместе. Умный и сильный, почти одно, – кресло закрипело, расходясь в стороны, дымные колечки побежали вверх. – Без армии никуда,

а то будут нас... какие-нибудь...

– Пап, я равнодушен к войне, героизму и самопожертвованию. Я не горю патриотизмом.

– Я знаю, – широко улыбнулся отец, – поэтому ты умный. Пообещай, что подумаешь. Надо уметь постоять за себя, родных и друзей. Не всегда можно по... бывают такие моменты, где слова не имеют смысла, где сила решает всё... когда останешься один и некому будет помочь.

Сын пристально посмотрел на воинское лицо, пытаясь запомнить каждый изгиб, складку, будто что-то предчувствовал.

– Обещаю, пап.

После смерти отца у Кёртиса осталось то, что было на нём: тёмная рубашка, летний плащ, шляпа, штаны и старенькая обувь. В кармане несколько монет. Дом забрали вместе с вещами

Похороны были пасмурные, как и погода. Людей было немного, около десяти. Кёртис стоял, смотря то вверх, то на дощатый гробик. Два молодца за канаты опустили гроб в яму, стали закапывать. Захотелось заплакать, упасть в грязь, показать слабость, чтобы знали как больно! Глаза против воли смочились, горло застопорилось. Но бессилие показывать нельзя.

Подошёл плечистый старик в чёрном костюме. Друг отца, Кёртис видел его пару раз дома.

– Твой отец просил передать вещь, – сказал дед мягко.

– Он никогда не заставлял меня идти по его тропинке, – проговорил Кёртис, пытаясь совладать с голосом. – Не тыкал носом, не настаивал, не кричал, а лишь просил.

– Он любил тебя, – старик приблизился, хотел положить руку на плечо, поддержать, но не решился. – Чувствуешь себя одиноко, будто остался один во всём мире? Твой отец поддерживал атмосферу доброты и любви, словно тебе есть куда обратиться, у кого спросить помощи. Но иллюзия рухнула, не обманывай себя, ты всегда был один и будешь один. Твой отец понимал, надеюсь, и ты поймёшь, – старик протянул меч в кожаных ножнах, – это твоё. Он хотел вручить его, когда станешь воином... Меч сделан на заказ в давние времена, когда твой отец постигал военное искусство. Вначале его называли: «меч пехотинца», но как пришла слава стали звать в честь воина: «меч Дранлика». Сейчас же носит имя твоего отца: «Дранлик». Храни, как можешь, это память рода.

Старик развернулся, собираясь уходить.

– Подождите! Вы поможете мне попасть в армию?

– Ты не обязан, – сказал старик, качая головой.

– Помогите.

Он не хотел кромсать врагов, выпускать кровь. С той поры, когда был маленький и гонял с детским жестокостью и равнодушием непонятно откуда взявшегося ёжика по залитому лужами переулку. Отец, увидев, что делает сын, окликнул, подойдя, сказал мягко:

– Прежде, чем что-то делать, представь себя на его месте,

подумай, будет ли тебе приятно.

Представив, как его бы пинали по переулку, а он котился шариком, малыш вспыхнул. Лицо выразило раскаяние, он не понял, как мог хладнокровно причинять боль живому существу.

Ёжик ожидал очередного удара, но не получив медленно распустился.

– Надо как-то извиниться, – робко с горящими щеками сказал малыш.

Отец победно улыбнулся и погладил по голове.

– Лучшее, что можно сделать, это оставить его.

Кёртис часто вспоминает этот случай и по много раз ругает себя, переживая стыд и сожаление вновь. И прежде чем что-то сделать, представляет себя на чужом месте, крутит в голове под разными ракурсами и только потом действует.

Он долго выбирал, вспоминая кем на войне можно не убивать, но варианты не подходили, пока не вспомнил про разведчиков. Минимум насилия, а если делать всё правильно, то совсем не будет.

Его отправили на стык между государствами, где пылает война. Прекрасные волосы состригли. Фамилию Кёртис поменял, чтобы не узнали, чей сын, но имя и отчество оставил. И все спрашивали: «А ты случайно не сын генерала Дранлика?», а он недоумённо качал головой.

Он говорил себе, что выполнил обещание, стал военным. Отец же не говорил, чтобы стал пехотинцем... или другим

рубильщиком мяса?

– Всё в порядке, в армию поступил, даже на войне уже. Долг перед родом выполнен, отец мог бы гордиться, – успокаивал себя Кёртис, но если долго думал над этим, совесть всё-таки рвала грудь.

В палатку ворвалась рука, впуская противный солнечный свет. Глаза зарезало, и парень отвернулся.

– Ломбари! – истошно заорали. – Хватит дрыхнуть, неженка! Для тебя есть задание!

– Чего тебе надо, Виковски? – вороча лицом, спросил Кёртис, будто прогоняя злого духа деревянной палкой.

– Поднимай тощий зад и иди к командиру!

Кёртис зажал уши, не выдерживая дребезжание в голове. Горластый мужик ушёл.

– Когда же ты голос сорвёшь, чудо ты наше, – сказал Кёртис ворчливо.

Разведчик вышел наружу, заслоняя рукой солнце. Солдаты сидят кругами по всему лагерю среди шатров. Одни, с более лёгкой и не такой грязной одеждой, суеются среди котлов с половником. Кёртис подошёл к русоволосому парню.

– Лари, что у нас сегодня?

Кёртис вытянул шею, заглядывая в котёл. Жёлтая смесь с мягкими камушками не впечатлила.

– Я бы супчик похлебал, – мечтательно проговорил Кёртис.

– Ага, давай я для тебя одного буду варить суп, курицу

поймаю, зарублю, общипаю, сварю, найду морковки и лучок. Знаешь, какой вкусный будет?

– Точно! Давай так и сделаешь.

Лари ударил половником по плечу нахала.

– Ай, ты чего? – обиженно спросил Кёртис, глядя плечо.

– Я тебя дам куриный суп! Тебе что, Виковски весь мозг проорал?

– Я кашу уже неделю ем, каждый день по три раза! Дай мне что-нибудь другое!

Кёртис схватил повара за плечи, затряс.

Лари вырвался из судорожных объятий, шутливо замахнулся половником.

– Иди вон одежду ешь! – крикнул он.

Кёртис отбежал, смеясь.

– Так свари хотя бы!

Он двинулся вдоль синих шатров к самому большому с множеством разноцветных флагов. У входа громилы, держа двухголовые секиры.

– У меня дело к командиру, – сказал Кёртис.

Здоровяк, спокойно взирающий, выпучил глаза.

– Чего? Может ещё командира позвать, чтобы в палатку к тебе пришёл? Нет, ты посмотри на него, обнаглел совсем!

– Ну, если у вас хватит смелости... – ответил Кёртис, смотря на ногти.

– Да я тебя ща...

Полог шатра отдёрнулся.

– Что тут происходит? – встрял капитанский голос. – Ломбари! Ты чего так долго? Иди сюда быстрее!

Кёртис проскочил между двумя злых пар глаз. В шатре много людей и все офицеры, кроме Кёртиса. Опёршись о продолговатый стол руками, командир с белым ёжиком на голове и угловатыми чертами лица смотрит на карту. Рядом небольшого роста старшина с приличной лысиной.

– О, смотрите, кто появился, – с сарказмом сказал командир, – а мы уж заждались, когда же проснётся наша птичка.

– Как узнал, сразу к вам, – каменно ответил Кёртис, задрав подбородок.

– Ладно, начнём. Значит это мы, – командир указал на синий флажок, – а это они, – палец переместился на красный флажок, – а это помешало нам при штурме, – командир поднял фигурку уродца, показывая всем. – Ломбари! Надеюсь, ты знаешь, что нам помешало?

– Так точно! Огромный монстер выпрыгнуло изо рва, проломив мост и съев нескольких солдат, как наших, так и противника, сломало два свода, что и привело к падению моста. Остальные попадали в ров, где их и доели. Лучший путь преграждён.

– Не только лучший, Ломбари, но и единственный, – сказал командир, вздохнув.

– Понаблюдав я понял, – продолжил Кёртис, – что это не ров, а...

– Это река, вокруг города, – самонадеянно вырвалось сза-

ди.

– Кто сказал? – рявкнул командир. Вперёд пробился лейтенант с тухлым видом. – Он прав, Ломбари?

– Не совсем, – сказал Кёртис, улыбнувшись. – Это не река и не ров, это... оно соединено с канализацией города, туда выходят отходы. Наш берег не так загрязнён, но противоположный, – Кёртис протолкнулся вперёд и указал на карте на заросший берег, – завален нечистотами.

– Это они выпустили монстра! – донеслось из-за спин.

– Ты тоже так думаешь, Ломбари? – кусая губы, спросил командир.

Кёртис развёл руки.

– Я не знаю... стали бы они убивать своих людей? Они бы просто выпустили монстра, когда начался штурм.

– Объясните мне, почему они защищали мост? – сдерживая злость, спросил капитан. – Ведь с луков могли обстрелять или баллистой! Я видел у них баллисту! Там погибли мои ребята! Пол роты! Я хочу знать ответы!

– Ошибся штабом, – засмеялся кто-то, дружный хохот зашатал шатёр.

– А ну тихо! – заорал командир.

– Всё же просто, – со скучающим видом ответил сержант, – им надо контролировать мост... было. Это единственный нормальный путь в город... был.

– Эй, умник, а ничего что мы на этом берегу сидим? – подколот сосед.

Все замолчали, переваривая слова.

– Вот вам и ответы, – вздохнув, побарабанил по столу командир, – это не их монстер и они ждут подкрепление.

– Сильно сомневаюсь, командир, – гнусаво вырвалось из толпы, – они терпят поражения на всей линии фронта. Город падает за городом. Только что пришла весть, – хлипкий мужчина высокого роста пролез в карте, – Камерия взята, – офицеры одобрительно загудели, – а Курион скоро будет взят, они окажутся в кольце, – грязный ноготь обвёл город кругом.

– И тем не менее.

– Да не переживайте, командир. Если даже мы ничего не придумаем, они всё равно сдадутся, деваться некуда. Просто им уши прожужжали, мол, скоро подойдёт армия с генералом Максимусом, а они, дураки, верят.

– Так... хватит! – сказал командир, выдохнул и оглядел шатёр. – Позвал я вас не для болтовни. Раз никто не хочет доблестно сразить монстра, – он сделал паузу, чтобы все осознали какие они трусы, – то придётся найти охотника.

– Но ближайший город, где можно купить их услуги находится за неделю отсюда! – запротестовал лейтенант.

– Да знаю я! – гневно сказал командир. – Поэтому Воларион отправиться в Каркен, за охотником. Описание монстра уже написано. А наш доблестный разведчик ползает по окрестным деревням, может, где завалился бесхозный уничтожитель чудовищ.

Офицеры шутку оценили, а Кёртис нет.

– Знаю, – продолжил командир, – это займёт минимум две недели, но другого выхода нет. Мы не можем даже подойти ко рву... или как там... До тех пор всё остаётся на своих местах, каждый день тренировки, продовольствие и так далее. И ещё нужно будет много дерева для постройки моста, так что можете потихоньку приступать, – командир оглядел офицеров. – Всем всё понятно, все свободны.

Люди затолпились к выходу. Кёртис сложил руки на груди, топая ножкой. Он хотел наброситься на командира с протестом и расспросами. Действительно ли он считает, что в окрестностях завёлся охотник? Или просто решил погонять молодого? Но как подошло время высказывать накопившееся Кёртис сдуся, пропала уверенность. Идея полазить по полями и лесам уже не кажется бредовой.

– Ты что-то хотел, Ломбари? – задумчиво спросил командир, рассматривая карту.

– Вы действительно хотите отправить меня скакать по деревням или это шутка? – на удивление Кёртис ответил ровно.

Командир пристально посмотрел в голубые глаза, насмешливо улыбнулся.

– Боишься?

Кёртис понял, что боится лазать непонятно где, разговаривать с незнакомыми людьми, и сомнительно, что они будут ждать с доброй улыбкой и крепкими объятиями, скорее по голове нададут.

– Я... э-э-э...

Командир присел на край стола.

– Вот что, – сказал он, – я уже говорил, что возможно они ждут подкрепление? Так вот, я не исключаю такой исход. Да и ополчение исключать не стоит, а проблем и так хватает. Конечно, вряд ли охотник находится в деревни и уж живёт там. Ты вообще видел охотников в деревнях? Твоя задача не столько в охотнике, сколько в наблюдении. Ты парень голова-астый, подмечаешь детали.

Кёртис приоткрыл рот, страх не исчез, а усилился, затмевая мысли.

– А-а-а-а... А можно мне карту посмотреть?

– А вот это правильно! Да не волнуйся ты так.

Кёртис подошёл к столу, составил в маршрут в голове

– Да я вроде...

– Я по лицу вижу! И держишься, как соломинка. Смотри, – командир провёл пальцем от лагеря к трём деревням, – если всё сделаешь правильно, сможешь вернуться за три дня. Отсюда иди сюда, а потом в самую дальнюю и глухую. Потом назад. Надеюсь не надо объяснять, что в деревни больше одного раза не залазить? Вот и отлично, еду ты знаешь, где брать, как и лошадь. Ну, всё, жду с хорошими вестями.

Из шатра Кёртис пошёл в свою палатку, представляя, что будет говорить людям в деревнях, как будет себя вести. Зайдя, он расслабился, будто всё время шла слежка, а сейчас скрылся. Постель поманила, Кёртис прилёг отдохнуть, на-

слаждаясь каждой минутой перед долгой дорогой и сырой землёй. Он не понял, как мог ругать постель за чёрствость. Тревога вернулась, нагнетая.

– А если что-то пойдёт не так... мне придётся защищаться... убивать...

Рука нащупала рукоять меча. Кёртис ни разу не вытащил его из ножен, не осмотрел лезвие, но всегда носит при себе. Клинок с песней вышел наружу. Кёртис почувствовал, будто дотрагивается до сокровенного.

Меч короткий и прост, лишь навершие в виде хрустального шарика украшает прославленный меч. Кёртис представил, сколько крови выпил клинок, сколько плоти съел. Страх заполз в голову, мелькнула мысль: «надо от него избавиться», но меч не спешит показывать клыки, наоборот, излучает доброту, вселяет уверенность.

Меч со щелчком вошёл в ножны. Кёртис потянулся, потопал к Викану за едой. Дойдя до широченного шатра, заваленного хламом, увидел очередь, выходящую под солнце.

– ...да за пять мешков хлеба ты у меня ишачить будешь всю жизнь! – донёсся крик изнутри.

– Дак я-то чего? Меня Лимон послал.

– Вот иди и скажи ему!

С грустным видом вышел тощий мужик, таща два мешка на спине. Очередь сократилась, Кёртис двинулся вперёд.

– Чего тебе?

– Эта... шлем проржавел и доспех, сменить бы.

– Нехер было купать! Следующий!

– Мне теперь в ржавом ходить?

– А вот об этом надо было думать раньше! Следующий!

– Ну дай чё-нить отчистить хотяб.

Очередь недовольно загомонила.

– Парень, иди уже.

За тонким столом коротышка, но благодаря двум подушкам на стуле возвышается над столом.

– А, наш славный разведчик. Первое задание?

– Ну да, нужно найти охотника, – уныло ответил Кёртис.

Вакин наклонился вперёд.

– Я слышал, они сущие звери, – шёпотом сказал он. – Говорят, даже чудища, которых они убивают, не сравнятся с ними в жестокости и суровости. Говорят, что в младенчестве их сажают на цепь, как животных, и травят, чтобы не знали доброты, а только ярость и гнев. Что избивают до смерти, чтобы слушались, выворачивают суставы, чтобы были гибкими, дубят кожу, чтобы потеряли чувствительность, – коротышка сел обратно с важным видом, очередь затихла, слушая рассказ. – Я видел одного... эти глаза я не забуду никогда...ничего не выражающие, каменные. А лицо, будто застыло. Он был угрюм и не говорил ни слова, стоял целый день, скрестив руки и облокотившись об каменную колонну, даже не разгибая шеи... да что говорить! Взгляд оставался таким же... целый день. Это страшные лю... я не знаю кто это... Ах, да. Вот, держи. Вяленое мясо, на неделю хватит. И

вот ещё бурдюк воды. Воду экономь, пополняй в водоёмах и чистых реках, но если выхода не будет, бери и грязную.

Кёртис собрался уходить, но Вакин остановил:

– Одежду возьми.

– Какую одежду?

– Ты что, собираешься вот так идти? – спросил Вакин, выпучив глаза.

– А что такого?

– Ты же для них захватчик! Может кому-то и всё равно, но остальные только и будут думать, как бы стянуть с тебя кожу!

Кёртис перестал представлять загорелых рабочих с мозолистыми ладонями и усталым взглядом, на их место пришли полуголые людоеды с каменными топорами и дикими глазами.

Коротышка спрыгнул, раздался глухой удар, будто скинули мешок картошки с метровой высоты, прошёлся к куче тряпья. Полазав, он вытащил длинный смольного оттенка кожаный плащ и чёрную шляпу.

Кёртис с благодарностью принял хоть слегка помятую, но от этого не менее крутую одежду. Ему нравятся плащи и шляпы с детства, когда впервые увидел странников, блуждающих от города к городу, от страны к стране. Плащ скрывает от лишних глаз детали, не даёт промокнуть и выглядит эффектно, а шляпа придаёт таинственности.

– Кому-то мясо, а кому-то вонючую кашу, – проворчал

сзади стоящий солдат с мутным взглядом.

– Да тебе больше и не положено! Он к командиру на совещания ходит, а ты дерьмо лопатой кидать не научился! – закричал Вакин.

– Спасибо большое, Вакин, – поблагодарил Кёртис.

– Эх-х, парень, я искренне надеюсь, что с тобой всё будет в порядке. Ты мне нравишься. Ты чувствуешь людей, переживания, эмоции. Таким как ты, надо сидеть за столом, пописывать бумажки, творить великие дела. Воевать идут только те, кто больше ничего не умеет... Удачи, парень.

Кёртис захотел развеять печальную нотку.

– Себе оставь, мне хватает.

Выбор лошадей огромен, но Кёртис не увлекается ими. Выбрал по цвету.

Конюх уныло вывел чёрную лошадь и что-то пробубнил. Кёртис закинул сумку за спину и запрыгнул на коня. Шум лагеря притих, Кёртис почувствовал, что на него смотрят, хотя никто не смотрит. Лошадь под его рукой тронулась.

К вечеру он добрался до первой деревни. Натёр копчик, каждый шаг лошади отдавал болью. В седле качало, Кёртис не выдержал и его стошнило. Весь путь проделал, не вылезая из седла и никого не встретив. Пустой мир.

Он постучал в тяжёлую дверь. На улице никого, будто спрятались по норкам от несущего злодеяния чужака. На небе собрались чёрные тучки, закапало.

Дверь приоткрыли, показался голубой глаз.

– Что вам надо? – сказал тихий женский голос.

– Здравствуйте, я бы хотел переночевать...

– Мы не сдаём комнату.

– Я заплачу

– Нет мест.

– Помогите найти.

– До свидания.

Кёртис развернулся, посмотрел на дома. Этот был последний из больших, остались мелкие, полуразрушенные, сгнивающие. Кёртис переночует лучше на земле и под дождём, чем в последних.

Кёртис сбежал с крыльца, схватил коня под узды.

– Пойдём, Мурка, надо найти убежище, – сказал он, поднимая лицо на чёрное небо, прогремел гром. – И побыстрее.

Кёртис выбрал наугад домик с маленькими окнами, постучал в дверь. Раздались шаркающие звуки, Кёртис напрягся.

– Чя-аво надо? – спросил сварливый старческий голос.

– Бабушка,пусти переночевать, пожалуйста. Я бы не просил, но сейчас ливень начнётся.

– От оно чё... а ты не разбойник часом? А-то видала я таких, вроде, ухоженные и говорят хорошо, а как отвернёшься... Сколько платишь?

– Три валета.

– Давай пять, накормлю.

– Хорошо, у меня ещё конь, не найдётся конюшни? Не

хочу под ливнем оставлять.

Косой глаз вылез из-за двери, глянул на лошадь.

– Добрый ты какой-то, странный. Веди на задний двор.

Бабка закрыла дверь. Кёртис взял узды и понял, что не знает, как добраться до заднего двора. Дома идут впритирку, разделяются лишь деревянными стенами.

На плечи активно закапало. Кёртис подумал, что он мягкотелый болван. Трудно спросить, где задний двор?!

Раздался скрип, часть стены открылась, синий свет развеял тьму.

– Чего встал? Заводи.

Кёртис вздохнул. Из-за темноты не заметил дверь.

Двор обширен, палисадник, где растут небольшие кусты, загон с крышей и сарай.

Бабка отпёрла мощный замок, распахнула ворота. Кёртис завёл коня, места много, ещё и сена с подстилкой.

– Так, – сказала бабка, когда Кёртис начал снимать седло и уздечку, – ну ты спокойной ночи желать будешь? А-то видала я таких, с конями, как с близкими людьми. Я в сенях подожду.

Кёртис погладил морду.

– Ну что, Мурка, оставляю тебя одного, но только на ночь! Кушай сено, здесь тепло, вроде, так что не замёрзнешь, – лошадь уставилась на Кёртиса, жуя. – Ну, до завтра.

Кёртис закрыл сарай и подумал, надо ли запирать? Но не решился хозяйничать. Он прошёл по двору к дому, поднялся

по крылечку в сени.

– Знаешь, – сказал бабка, выйдя из темноты, – я считаю, добрые люди в первую очередь добры к животным. Куда путь держишь?

– В Орион. Путешествую, хочу красивые города посмотреть, людей хороших, великие события узнать.

– Денег много?

Кёртис вежливо засмеялся.

– Нет, что вы, это же не от денег зависит, а от желания. Толстосуму всегда будет что-то мешать, будь то жара или дождь, а вот бедняку всё равно на условия, он в плохих живёт, а не только странствует.

– Просто молодой ещё.

– Хе-хе, я молод, но с чего вы взяли, что не мудр?

– Проходи, умник, я достаточно прожила и знаю, что деньги делают почти всё.

– Почти? – спросил Кёртис, перешагивая порог.

– На пол пути не останавливаются...

– Что?

– Говорю: через порог перейди. В отношениях с животными деньги ничего не решают, лошадь тебя не поймёт, если будешь пихать ей монеты.

– И всё? – сказал Кёртис, усмехнувшись.

– В особо тугих случаях, когда человек не может найти утешение в кругляшах, проклинает мир и жизнь, но так делают только ослы с человеческой внешностью.

Прихожая одновременно столовая, занавески скрывают огромную печь.

– Так, – сказала бабка, ставя светильник, – разуйся и садись за стол, я как раз собиралась ужинать.

Кёртис снял башмаки и шляпу, положил сумку на пол и присел за аккуратненький столик. Бабка принесла две белоснежные тарелки с ложками, кастрюлю варёной картошки и тарелку рыбы. Ели молча, бабка не заводила разговор, а Кёртис подумал, что так принято.

Поев, она убрала со стола и протёрла. Кёртис, подумав, что пора расплатиться полез во внутренний карман и отсчитал монетки, одна попалась желтоватая.

– Рановато ты, – сказала бабка, рассматривая монетку на свету, – хотя я не суеверна. Вот эти кругляши становятся причиной аморального образа жизни или чувства всемогущества или душевного подъёма. Ты что выберешь?

– Последнее, хотя я не понимаю, как деньги могут дать лёгкость духа.

– Легко, это же просто инструмент достижения цели, кто-то забивает молотком гвозди, а кто-то пальцы.

Старуха прошла в соседнюю комнату, положила монеты в шкатулку. Кёртис подождал, пока вернётся.

– Извините, я, конечно... это совсем не моё дело... и я не хочу вас обидеть...

– Не мямли.

– Вы аристократка?

Бабка встала, без шарканья прошла пару шагов.

– Думаешь, простой человек, например, землепашец или пастух не может владеть этикетом? Должен жрать руками из котла? Или говорить умные слова? Если дурак их выучит, это не значит, что он уже не дурак.

– Я не хотел вас обидеть. Думаю, вопрос этикета идёт лишь от личности. Вы говорите не умные слова, а мысли. Сами или книгами не важно, но дурак перестаёт быть дураком, когда пользуются мыслями.

– Думаешь, я из старинного и великого рода? Нет, мой отец владел несколькими домами, я уж совсем... только этим. Война эта треклятая, деньги. Всё потонуло. Они затащили мораль и доброту с собой, вниз.

– Но ваше понимание мира осталось...

– Моё понимание никому не интересно.

– А мне кажется наоборот.

– Вот именно, кажется. Молод ты ещё, нет в тебе стержня. Я ведь людей сразу вижу, ты чуткий, раз дунешь, рассыпелся. Из тебя сейчас можно что угодно лепить. Мне таких жалко.

– Проведите в комнату, я что-то устал.

Кёртис подхватил шляпу и сумку.

– Пойдём. Не таи обиду, вредит желудку.

Комната небольшая, кроме кровати и тумбы ничего, вместо двери занавеска.

– Я не слабый, – сказал Кёртис.

– А кто такой слабый? Спокойной ночи.
После ухода бабушки, Кёртис пробормотал:
– Спокойной.

Глава 4

Ренар постучал, через минуту вышла заспанная женщина деревенских габаритов.

– Чо хотел?

– Продайте еды.

– Какой?

– Овощи, хлеб, сушёного мяса, валянную рыбу.

– Молочка может? Парное!

– Откажусь.

– Как знашь, пожди.

Женщина принесли корзину с помидорами, луком, огурцами, морковью и круглый чёрный хлеб.

– Беру хлеб, три помидорины, два огурца и три морковки. Сколько?

– Так... ну... хм... три, да, три валета.

Ренар вытащил монетки, отсчитал и положил еду в мешок.

– До свидания.

Ренар зашагал к выходу из деревни, на полпути остановил отряд селян с дубинами во главе с бородачом.

– Привет, друже. У тебя ценная вещица, мы, так сказать, хотим сделать ценное приобретение. Отдай меч!

Селяне обошла Ренара кругом.

– Нет, – спокойно сказал он.

– Тебе он ни к чему! Ты тупой, как доска, по лицу видно, а я семью защищать буду!

Из-за дома вышел парень в длинном плаще и шляпе, ведя лошадь. Увидев картину, он остановился, принимая волну страха.

– Я сказал: нет. Лучше уберитесь с пути.

– Ты чё дерзишь? Мы по-доброму, хатим, так сказать, без насилия, вы посмотрите на него!

Парень очухался и подошёл поближе.

– Что здесь происходит? – спросил он. – Это н-не хорошо, вы не пропускаете и угрожаете, так нель...

– Чё-то многа чужаков развелось, – подал голос тощий мужик со скользким взглядом, перебросив дубину в руках. – Сокращать надо.

– Последний раз, – сказал бородач, – отдай меч, иначе будет худо.

Ренар посмотрел в маслянистые глаза бородача.

– Нет.

Бородач размахнулся дубиной, Ренар выхватил меч, обрубил руки по кисть. Парень в чёрном плаще скривился, отвернулся. Бородач истошно заорал, смотря на обрубки, Остальные, увидев серьёзный поворот, слиняли.

– Можно было решить вопрос миром, – сказал парень.

– Миром? Вот и решал бы, чего стоял? – спросил Ренар.

Он вставил меч в ножны, пошёл.

– Твои методы жестоки, ты ни чем не отличаешься от

убийцы!

— Как знаешь.

Парень посмотрел на скорчившегося бородача, с отвращением отвернулся. Чужак кажется странным и страшным, подумав, парень понял, что его пугает спокойствие незнакомца. Он не хочет иметь ничего общего с ним.

Парень запрыгнул на коня, и они двинулись в другую сторону.

Ренар перешёл речку и увидел на дороге возле леса троих всадников. Они смотрят вверх, кони брыкаются.

— Древоход! — закричал всадник.

Затрещали деревья, несколько верхушек разошлись в стороны, пропуская нечто огромное. Вороны с карканьем поднялись в воздух. Утробный рёв разнёсся на окрестности. Лошади поднялись на дабы, сбрасывая седоков.

Через лес, ломая ветки, пролетело вырванное с корнями дерево и грохнулось рядом с людьми. Лошади умчались. Прилетело ещё одно дерево, ударилось о первое и придавило ноги всаднику. Всадник истошно завопил.

Расталкивая деревья, вышел ссохшейся дуб. Дупло похоже на скривившийся в агонии рот, многолетние корни передвигают старое дерево. Сухие ветки схватили тощее деревце, вырвали. Всадники пригнулись, над головами пролетело дерево. Дуб орудует им как дубиной.

Древоход размахнулся, вбил всадника в землю, разбрызгивая кровь. Оставшийся ухватился взглядом за Ренара.

Охотник поднял камушек, кинул в дуб. Вокруг дупла потрескалась кора, с рёвом сухое дерево попёрло на Ренара. Охотник побежал на дерево, уклоняясь от бревна. Он остановился возле монстра, протянул раскрытую ладонь, дунул. Столб огня, как из турбины самолёта, прилетел дубу в верхушку и окутал, пожирая.

Древоход взревел, хаотично замолотил ветвями по огню. Ренар подождал, пока дерево развалилось на части, подошёл к всаднику.

– Ты, ты... кто ты... у тебя изо рта огонь шёл....

– Успокойся, всего лишь огненная пыль.

– Но там не было воды...

– Немного особая пыль, хотя, если хочешь, можешь думать, я рыгаю пламенем. Услугу оплачивать будем?

– Какую услугу?

– Я просто так уничтожил монстра?

Всадник сглотнул, оглядел кровавое месиво бывшее человеком, товарища с придавленными ногами.

– Он умрёт. Облегчишь муки? – предложил Ренар.

Всадник посмотрел на Ренара взглядом глупого котёнка. Охотник подошёл к умирающему. Лицо синее, в поту, глаза почти закрыты, вдохи резкие.

– Надеюсь, ты делал хорошие дела, – сказал Ренар, воткнув меч в сердце.

Выживший всадник активно задышал.

– Вопрос остаётся тем же, оплата, – сказал Ренар, вытирая

клинок об одежду мертвеца.

– Я простой солдат! У меня ничего нет! Не убивайте! Мы шли в Каркен, за охотником!

– Охотник? Интересно, зачем же?

– Армия осадила город, но не может войти из-за монстра! У меня, правда, ничего нет!

– Не кричи. Говоришь, целая армия не может совладать с одним монстром?

Ренар засмеялся, запрокинув голову.

– Мы-м.... Мы...

– Ну что же, считай, нашёл. Веди.

Всадник сглотнул, по лбу прокатились капли пота, руки затряслись.

Командир склонился к Волариону.

– Ты кого привёл? Торгуется как купец.

– ... я мог бы соврать, – продолжил Ренар, – что это ритуал почтения, и его обязательно надо соблюдать, но это не так. Мне просто нужны деньги. Я оказываю услугу, вы платите.

– Ну что ж, – сказал командир, – две дамы, говоришь? Жизнь человека я ценю, жаль, остальные не выжили...

– Это был опасный противник, – сказал Ренар.

– Противник? Противники, это люди, соревнующиеся друг с другом, да, может не всегда так, как хотелось бы, но они сражаются за идолы, честь, семью. Монстры даже не сражаются, они разрывают, поедают!

– Для меня люди не противники, – сказал охотник.

Командир покашлял.

– Насколько будет опасным монстер в воде? – спросил он.

– Узнаете, когда вернусь... или не вернусь. Нужно много мяса и крови.

Командир повернулся к Волариону.

– Найди скот, быстро.

По спине прошёл холодок, будто пощекотали костлявые пальчики. Охотник оглянулся, весь лагерь собрался посмотреть, как убьют монстра. Ренар почувствовал прорывающийся смех, прикрыл рот кулаком

Он выплеснул половину крови в воду, а остатками сделал дорожку от берега. Два солдата с отвращением бросили коровью ляжку в ров и побежали. Солдаты затихли, ожидая чудовище. Охотник отошёл на пару шагов, пристально уставился на берег.

Монстер выпрыгнул, взмахивая отростком со щупальцами. Ренар не двинулся, смотрел, как монстер шатает тюльпановидной головой с хоботом, издаёт чавкающие звуки. Чудовище взревело, ударило хвостом, прыгая в воду. Ренар подпрыгнул, но кончик достал до груди, швырнул на пару метров.

Командир плюнул под ноги, гневно уставился на Волариона.

– Чего встал?! Готовь арбалеты!

– Тащите ещё! – приподнявшись на локтях, рывкнул охотник.

Ренар встал. Солдаты, трясаясь, пронесли ляжку истекающую кровью, закинули в воду. Раздался подводный рёв, вояки отошли назад. Ренар вытащил меч, встал в стойку. Ноги напряжены, конец клинка на уровне плеч смотрит на место появления чудовища.

Монстер выпрыгнул, выплеснув лужу на берег, пронёсся рядом с Ренаром, разеваая акулюю пасть. Охотник резанул чудовищу по голове, рёв боли оглушил окрестности.

Они закружились, монстер закачал хвостом, Ренар посмотрел в кучу мелких глаз, цепляя боковым зрением.

Чудовище ударило хвостом, Ренар отпрыгнул, но ногу зацепило, он упал. Монстер прыгнул, но охотник успел перекатиться, проткнул хобот.

Ренар перенёс вес тела на другую ногу. Над плечом пролетел арбалетный болт. Охотник бросил взгляд на вояк. В два ряда наставлены арбалетчики. Ренар прыгнул в воду.

Болты врезались в тело монстра, разрывая плоть. Чудовище взвыло, бросилось на арбалетчиков, теряя тёмную кровь. Очередной болт оторвал хобот.

В ряд арбалетчиков влетел утыканный болтами монстер, разбросал их, раздирая на куски мяса. Вояки бросились в разные стороны. Крики боли перемешались с рёвом свирепого чудовища.

Командир, наблюдавший издалека, как солдат кромсают на части, открыл рот.

– Варианты есть? – спросил он, моргая.

– Спалим тварь! – крикнул Волатион.

– Выдвинем копыа, пускай бросается на них, – сказал Еронд, высокий мужчина с кабачком вместо головы.

– Опутаем сетями и забьём молотами! – горячо сказал крепкий вояка с короткими усами.

– Командир! Решайте скорее! – вырвалось из толпы.

Командир провёл пальцами по седым волосам, стукнул кулаком об ладонь.

– Несите бочки с маслом и факелы. Керон, пробуй опутать чудовища, пока вокруг разольют масла, если сможешь, делай с ним что хочешь. Вперёд!

Монстер прыгнул на солдата и, запихав в пасть голову, откусил. Вокруг чудовища образовалась пустота, только медленный попадает под зубы. Удар хвоста положил десяток вояк, пробитые, порезанные и оторванные щупальца залазали в рот, нос, выдавливали глаза. Солдаты вопили, как могли.

Над чудовищем раскинули толстую сеть, не понимая, что происходит, он попытался пройти сквозь неё, сверху прилетела ещё одна, они сужались, пока верёвки не опутали. Монстер заверещал и забрыкался, но щупальца не смогли разорвать сеть. Посыпались тяжёлые удары, мягкая плоть принимала молоты, словно отбивная, понесло гарью. Вокруг монстра разлили масло, запалили землю.

Вояки перестали молотить чудовище, отбежали. Две бочки масла вылили на монстра, кинули факел. Чудовище пронзительно заревело, будто провели вилкой по тарелке. Мяг-

кая кожа начала слазить, щупальца плавиться, хвост затрепыхался, пытаюсь разорвать сеть.

Командир отвёл взор. Все люди зажали уши, но только не он. Из ушей потекла струйка крови.

На городской стене двое мужчин в доспехах.

– Что думаешь, Миранд? – спросил мужчина с квадратным лицом.

– А что тут думать, Виктор? Если бы нам попалась такая тварь, я не знаю...

Миранд обладает отталкивающей внешностью, над левой бровью длинный шрам, достающий до коротких волос, на щеке сморщенная кожа от ожога.

– Но мы-то на своём месте, – сказал Виктор, под лязг доспехов облокотился о стену.

– Капитан, я не жалею их, эта шайка разбойников, свора собак.

– Свора собак? Ты про всех или только об этих? Да ладно, есть среди них достойные воины, но общие методы не дают им чести.

– При всём уважении, я никогда не прощу, что они сделали. Для меня они навсегда останутся шакалами. Я до конца буду убивать их.

– Твоё право, но я ценю закон, Миранд, если будет мир, тебе придётся уйти.

Миранд сжал губы, расправил ноздри, но укротил гнев.

– А что с тем, кого они привели?

– Не знаю... как-то всё это мутно. Ну, он не вылезает назад. Либо в рве есть ещё твари и его съели... утонул? Вряд ли... может, считает, что его предали?

– Да хрен знает! Я вот думаю, а что если этих тварей намного больше? И они не во рве?

Виктор расправил плечи.

– У нас не лучшее положение, не кликай, а? Сними ребят со стен и у ворот, пускай отоспят, сегодня всё равно ничего не грозит, а вот с завтра начнётся...

Ренар вплыл в вырванную решётку, краешек штанов зацепился за прут, маленький ткани оторвался.

Сильный поток нечистот почти смыл охотника, он вцепился за перекладину, подтянулся. В голову приплыло ведро, Ренар покачнулся, но удержался.

Выбравшись на каменный выступ, он перевернулся на спину. Куртку и ботинкам сбросил в воде, оставаясь в штанах и льняной рубашке.

В канализации кромешная темнота, но Ренар видит, не как хотелось бы, лишь очертания. По стоку ползёт островок полный жижи и выкинутой утвари. Ужасно завоняло. Ренар кашлянул, перестал дышать.

Отдышавшись, охотник поднялся, стены видели, как он медленно пошёл по бесконечному коридору.

У стены шар размером с футбольный мяч. Ренар встал на колено, стянул перчатку, рука провела по натянутой, как перепонка, и слизистой поверхности.

В конце коридора показался огонёк. Охотник вскочил, пол под ногами не издал и звука.

Человек с факелом сделал пару шагов, остановился у поворота, посмотрел по сторонам, двинулся вперёд.

Сзади вышел Ренар, ударил под колено, схватил шею.

– Кто такой? – спросил Ренар.

– Я... ргх... я рядовой стражи... угх-х... задушишь.

– Где выход?

– Назад идти... надо, там поворот будет... да полегче же!

Ренар поднял рядового.

– Ножны вместе с мечом медленно отдай, и факел тоже. Без глупостей, подумать не успеешь, как шея хрустнет.

Выходом оказалась тяжёлая деревянная дверь с громоздким засовом, ведущая на верх по каменным ступеням.

Ренар остановился.

– Куда она ведёт? – спросил он.

– В дом дядьки Талимдара, он проверяет канализацию, чистит иногда.

– Ну что ж... ты мне больше не нужен.

Охотник ударил, как кобра, в шейные позвонки, стражник свалился. Ренар переступил через тело, направился вверх.

Внутри тихо, темно, Ренар оставил факел на полу, у входа. Вспыхнули светильники, резануло глаза, охотник прикрылся ладонью. Дюжина стражников встали перед Ренаром, он выдохнул, опуская плечи.

– Мы не враги, – сказал Виктор.

– Мне все враги.

– А как же нейтралитет? Ведь где-то надо брать еду, одежду, деньги. Мы из этой группы. Ты же хочешь выбраться из города?

– Что надо?

– Где парень?

– Спит.

Капитан угрожающе наклонил голову.

– Вечным сном?

Ренар растянул рот, вылезли белые клыки.

– Нет, говорит, устал, дай прилягу на холодный пол, отдохну.

– Миранд, проверь. Кто ты? Что делал в лагере зелных?

Ренар сверкнул глазами.

– Осторожней, количество вопросов не гарантирует ответы.

Виктор сжал зубы, тихо вздохнул.

– Пройдём в мой дом... но оружие придётся отдать.

Охотник отстегнул ножны, седоусый стражник принял меч в пелёнках.

– Вон то, – сказал он, показывая кивком.

Ренар отстегнул нож.

– Не потеряй, – сказал он, передавая.

Капитан привёл охотника комнату с большим окном, выходящим на городские ворота. Виктор сел за небольшой письменный стол в скрипучее кресло с облезлыми краями,

Ренар сел напротив в такое же кресло. Стража осталась снаружи.

– У меня есть ребёнок, – сказал Виктор.

– Нет.

Капитан слегка удивился.

– Тебе ничего не надо будет делать, там будет мой человек, он...

– Нет. Хочешь вывести ребёнка из города? Вперёд, только води сам!

Виктор осел в кресле, крепкие плечи упали.

– Ты же охотник, да? Так помоги... прошу.

– Вот именно! Я не спаситель, я убиваю монстров. Ты хоть представляешь, что я делаю? Что вижу? Звериные глаза, готовые сожрать. Раскиданные конечности, кости, черепа... рёв и визг... Знаешь что чувствую, когда захожу в логово того, кого должен убить? Что умру... Но всё это не важно, потому что в итоге перестаёшь бояться неизвестности или очередного чудовища, ты начинаешь бояться себя... И ты хочешь отправить своего ребёнка со мной?

Виктор сжал подлокотники, дерево жалобно скрипнуло.

– Я, капитан стражи, главный в осаждённом восьмидесяти тысячном городе Торрасе. Здесь не хватает, еды, воды, одежды, средств гигиены. Что будет, если я уйду? Люди впустят зелёных. Людям не нужна война, им всё равно под кем быть, кому платить.

Ренар провёл ладонью по лицу.

– Этот город захлебнётся кровью, криками боли. Внизу, в канализации, яйца чудовища, их много и скоро они оживут, – сказал он.

– У меня есть долг.

– Тогда не брызжи слюной, когда всё пойдёт по стоку.

Последние лучи солнца прошли сквозь окно, Ренар прикрыл глаза рукой. Виктор приподнялся над столом.

– Помоги.

– Скажи честно, тебе не страшно пускать ребёнка со мной?

– Страшно.

Охотник повернул голову к двери.

– Эй! Меч верните! Хочешь спасти мелкого? Не отпускай от себя.

Дверь открылась, вошёл мелкоглазый стражник.

– Капитан, какие приказы?

Виктор свалился в кресло, прикрыл глаза ладонью.

– Отдай ему, что взяли... и вещей сухих дай. Он свободен, – сказал он слабым голосом.

В комнату влетел запыхавшийся парень.

– Капитан! Бунт... люди громят склады... на улицах не пролезть, на юге зажигаются костры... идут пожары.

Ренар остановился возле перекрёстка, прислонился к стене. Лёгкое одеяние с капюшоном сидит удобно. Огромное зарево захватило внимание. По улице пробежали несколько

людей, крича и размахивая руками. Гул толпы и человеческий вой гуляют по городу.

Ренар двинулся по улице, стараясь быть незаметным. Из окна со второго этажа дыхнуло огнём, дым пошёл через проём, вылетел стул. Женские крики разнеслись по улице.

Ренар остановился, в тёмной улочке трое оборвышей наступают на пятящегося пса. В мозг словно вошла раскалённая игла, что-то давно забытое постучалось в голову.

– Отойдите, – сказал Ренар.

Они резко обернулись, обезумевшие от голода глаза наполнились гневом, жёлтозубый рот раскрылся.

– Уйди! Это наша еда!

Клинок со звоном вышел на половину, главный оборвыш застонал, смотря на меч. Тройка расступилась, пёс, озираясь на грязные лица с обслюнявленными подбородками, перебежал за спину охотника.

Около таверны толпа, за самодельными баррикадами из столов, стульев и прочей мебели стоят мужики с вилами, лопатами, скалками, всем, кроме оружия. Потный дядька с выпирающей челюстью сложил руки рупором и проорал:

– Теперь это наша улица! И проходить здесь можно только с нашего разрешения! Таверня «огранённый стакан» стала нашим оплотом! В случае нападения мы применим силу! Не толпитесь! Уходите! Все ваши де-ей-ствия будут развращены!

Мужики повернулись, напрягая лбы. Те, кто стоял ближе

к баррикадам, рванули на вилы, толпа пёрла и пёрла, первые ряды уже не могли остановиться, людская волна неслась, попутно беря пассажиров, кто-то упал, началась давка.

Из таверны выбежал широкоплечий мужчина, влепил дядьке по голове, нога толкнула в зад, дядька полетел на землю. Какой-то смельчак перелез через баррикады и побежал. Мужчина вытащил меч, клинок вошёл бегуну в живот наполовину. Толпа отхлынула, как испугавшийся глупый телёнок.

– Я, Рик Сильрой, клянусь, что любой прошедший через эту границу без разрешения кончит как он! Это наша территория! И мы тут хозяева!

– Мы хотим лишь пройти дальше, не нужна нам таверня! – крикнули из толпы.

– Мы знаем, – сказал Рик, ухмыляясь. – Поэтому! Встаньте в очередь! Если у вас есть чем отплатить, мы пропустим! Если нет, катитесь нахер! Давайте-давайте! Стройте очередь! Мы же цивилизованны! Ха-ха.

– Среди нас есть герой! Он убьёт тебя!

Толпа восторженно взревела, люди завертели головами, выискивая спасителя. Глядя на одобрителный гул людей, что должны были платить за проход, Рик бешенел с каждой секундой. Вокруг Ренара начали расступаться люди, и через мгновения образовался живой коридор, в центре которого охотник с пугливой собакой за спиной.

– Ты?! Ты?! – крикнул Рик, тыча концом меча. – Ну так

давай! Убей меня! Только подними капюшон! Хочу видеть глаза! – мужики за баррикадами, неуверенно переглядываясь с Ренара на Рика, начали отступать. – Эй! Куда пошли, псы!

Рик с силой замахнулся на ближайшего мужика, голова покатилась по земле, небольшими толчками пошла кровь из шеи, тело плюхнулось. Рика ударили вилами в спину, он упал.

– Предатель! – сипло закричал Рик.

Тощий мужик усилил нажим, хрустнуло. Он присел, глядя на трясущиеся руки.

Толпа оцепенела, звук исходит лишь издалека. Люди яростно начали разбирать баррикады.

К ноге Ренара кинулись две женщины, заливаясь слезами, в балахонах и с закрытыми лицами.

– Спаси! Ой-йиййй, памаги! Прашу! Ааааааа-а-а, спаси! Ты герой! Ты должен!

Зрачки Ренара расширились, слова разнеслись набатом в голове, он с отвращением тряхнул ногой. Эта фраза – «Ты должен» – сыграла как бодрая музыка в траурный день. Женщины снова кинулись к ноге, ревя ещё сильнее. Охотник резко выдернул меч, ревухи бросились как от огня. Хлипкая девочка лет пятнадцати в мешковатой одежде и штанах смотрела за представлением. Она тихо последовала за Ренаром, он не оборачивался, хотя знал. Люди его пропустили, как тень.

Вокруг него, будто ореол таинственной силы, в который входят лишь собака и девочка. Больше последовать за ним никто не посмел.

Народ идёт в противоположную сторону городских врат. Запах гари и дыма разлетелись на весь город. На конце забитой людьми улице небольшая пристань. Она была построена как запасной выход. Важного вида писец с бланком и вергилиевой ручкой ждёт очередную семью. Подошла очередь Ренара.

– Ваше имя?

– Ренар.

– Полное.

– Просто Ренар.

– Так и запишем... а ваша... хм, спутница? И... гм... питомец?

Охотник оглянулся на опустившую голову девочку, пёс удивлёнными глазами рассматривает людей.

– Напиши: вышли трое, пожелавшие не упоминать имён.

– Угу... С каждого по валету, в счёт лодочников.

Ренар отсчитал монетки. Лодка набилась до упора, пёс уместился под дощечкой, положив голову на лапы, а девочка над псом рядом с толстяком.

– Всё! Хватит, а то перевернёмся, – сказал лодочник.

Смуглокожий с потрёпанным свёртком на мозолистых руках закричал:

– Детей первыми! Крохоборы вонючие! Чтоб вам дристать

деньгами!

— Гражданин, — сказал писец, черкая в бланке следующего клиента, — не кричите, все успеют, места всем хватит.

— Да что ты врёшь! Паскуда! До утра всех не переправите! Подошли два стражника, локотки схватили стальные руки.

— Что вы делаете! Твари! У меня же ребёнок!

— Зря вы так, — сказал писец, пожёвывая ручку, — могли бы на следующей лодке уплыть... а вот и она.

Смуглокожий глянул на свёрток глазами с хрюшкин нос и задёргался, пытаясь высвободиться, ребёнок шлёпнулся на доски. Женщина с вжатой в плечи головой подобрала свёрток.

Лодка прошла сквозь железные подъёмные ворота. От воды тянет дерьмом, вёсла при ударе о воду срывают коричневую плёнку. Ренар смотрел вверх, скоро должна взойти луна.

Лодочник пристроил лодку к гладкому берегу в кустах. Люди разгрузились, кто-то остался сухим, а кто-то замарал башмаки. Пёс искупался.

— Ну... всего доброго, — сказал лодочник.

Лодка тронулась в обратный путь. Ренар двинулся в поле, девочка и собака последовали за ним.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Поглубже в лес. Надо найти место для ночлега. Здесь не безопасно.

Появились комары, шлепки начали раздаваться ежесекундно. Ренару и псу всё равно, у одного лишь открыта часть лица, а у другого шерсть, разве только в глаза лезут.

Охотник выбрал небольшую полянку окружённую деревьями.

– Принеси небольших палочек, костёр разожжём, только далеко не уходи. Я пока место расчищу.

Пёс ушёл с девочкой. Вскоре появился ровный кружок на земле. Девочка принесла охапку веток. Ренар сложил их домиком, пыль, что взял из мешочка на ремне, разожгла деревьяшки.

– Сиди, грейся. Я не долго.

Он вернулся, когда девочка почти заснула, пёс свернулся клубком у её ног. В руках у Ренара три длинные тонкие палки и две тушки зайца. Он воткнул две палки около костра, а третью положил на них. Тушки подверглись свежеванию.

– Жалко его, – сказала девочка, смотря на спину охотника.

– Жаль? Хищники поедают травоядных, иногда поедают хищников, но только тех, кто слабее, чтобы выжить. Они не плачут и не жалеют бедного зайца, ни до смерти ни после. Они просто едят, другого способа выжить нет. Так сделала природа. А мы, хищники.

– Но мы же можем питаться растениями, мы не только хищники, но и травоядные.

– Правильно, – сказал Ренар, отдирая шкуру, – но добывать грибы и ягоды дольше, и терпения много надо, а здесь

главное уметь поймать.

Ренар положил тушку на землю, начал потрошить. Огонь всё счистит.

– Мне отец говорил, что с животными надо хорошо обращаться, тогда и они будут добры и благодарны, – сказала девочка, глядя собаку.

Сначала пёс вздрогнул, но поняв, что больно не делают, расслабился и выдохнул.

Ренар остановился.

– А кто твой отец?

Внутри девочки проник страх. Одна в тёмном лесу с человеком разделяющим бывшее живым существо. Со спины он кажется палачом, копающимся в теле жертвы. Девочка совладала с собой. Отец учил, что когда дела идут плохо нельзя показывать слабинку.

– Он следит за порядком. Он хотел пойти со мной, но не смог. Сказал, что у него долг и без него людям не справиться. Он капитан стражи, – сказала она, мысленно сжавшись.

Ренар встал, распотрошённая тушка налезла на палку, огонь стал подогревать её.

– Добрый, наверное.

Девочка украдкой выдохнула вязкий страх.

– Ага, но с преступниками жёсткий, я один раз видела, как он... задерживал. Говорит, нельзя давать послабление.

– А как же иначе. Им только покажи слабость, вмиг воспользуются, – сказал Ренар, переворачивая палку.

Запахло жареным, пёс облизнулся и закрыл глаза. Девочка хихикнула. Ренар срезал ломтик и протянул собаке. Пёс осторожно схватил и медленно зашевелил челюстью. Ренар захотел погладить по голове, но в сознание вторгся мучительный скулёж. Глаза загорелись, верхняя губа задралась и задрожала.

Иная сторона разума 2

На грязном пляже, заставленном обломками лодок, досок и зданий бегают чумазые дети в драной одежде. Оборванцы остановились и сгрудились. Вдруг они разбежались, стали подбирать камушки и пулять в воду.

Мальчуган малых лет в опрятной и аккуратной, как и он, одежде, с рыжими волосами и красивым щенком под руку подбежал к берегу. Жалобное мяуканье донеслось до его ушей.

– Эй! Что вы делаете? Отойдите! – крикнул мальчик.

Оборванцы странно взглянули на чистого мальчика в хорошей одежде. Зависть сковала их. Самый большой со злыми бровями вышел вперёд.

– Ты кто такой? Указывать мне вздумал?!

Он толкнул рыжего в грудь. Тот шлёпнулся в грязь.

– Покажи ему, Динник! – закричали юные мучители.

Мальчуган разозлился и, вставая, ударил изо всей силы в нос обидчику. Хрустнуло. Хулиган зажал нос ладошками, полилась кровь, он заревел, кривя ртом. Все затихли, смотря кто на землю, а кто на сложившийся складками нос пришельца.

Из-за церкви вышел огромный, как вековое дерево, мужик. Без шеи, голова как нижняя половина яйца, ушей не видно, глаза с ягодку. Когда он подошёл к мальчугану то за-

слонил солнце. Мальчик с нарастающей тревогой посмотрел на великана, ему показалось, что тот ухмыляется, но на лице этого нет.

Великан схватил щенка, бросил радостно завопившим детям. Мальчик крикнул и бросился за щенком, но получил могучую оплеуху, сбившую с ног.

Мальчик не почувствовал боль, лишь вибрацию. Вся его одежда, как и он, стала грязной. Он встал, бросился к идущим к воде детям. В этот раз от удара он почувствовал острую, как наточенный нож, боль. Мальчик скривился, но не закричал. Великан схватил мальчишку за руки, зафиксировал голову.

– Смотри, – равнодушно сказал он.

Динник, несмотря на ноющую боль и стекающую кровь, поднял скулящего щенка за шкурку. Мальчик сжал зубы, веки прикрыли глаза, потекли слёзы. Мучительный скулёж создаёт в темноте вспышки света. Радостные крики палачей, шум воды, редкое дыхание за ухом исчезли. Остался лишь крик щенка. Через минуту он стих. Мучители взревели, захохотали. Мальчик повис на руках великана.

Он очнулся в тёмной клетке с его тело в скрюченном, полусидящем положении. Взор пуст, как и голова. Никаких чувств, только глухие ощущения пространства.

Прошло несколько часов, пока не ворвался острый факельный свет. Клетки, одну за другой, стали открывать.

– Просыпайтесь! Вас ждут на поле! – крикнул факельщик,

щурясь в двадцать гнилых зубов.

Остальные закопошились. Мальчик не сдвинулся. Факельщик, увидев нереагирующего мальчика, подошёл к нему.

– Ты чё? Устал? Ну так отдохни, нет проблем...

Он развернулся, собираясь уйти, но ударил по решётке. Мальчик даже не моргнул. Факельщик рыкнул и ушёл. Пришли два мужика, вытащили мальчика на поле, под сжигающее солнце.

В строй стоят голые мальчишки, высокие и низкие, худые и плотные. Перед ними расхаживает крепкий мужик в военной форме. На плече знак – оскалившаяся медвежья голова, которую держат человечесьи руки.

– Человек, это зверь, значит, будем готовить вас, как зверей, – с небольшой хрипотцой сказал он. – Вы принадлежите клану, у вас больше нет желаний, ваше тело и разум принадлежат ему. Любое непокорнее будет жестоко караться, – во-яка оглядел мелких доходяг. – Первое задание: стоять. Тело напрягает триста мышц только, чтобы удержать равновесие. Первые упавшие будут избиты.

В сторонке два парня заулыбались, предчувствуя расплату. Гибкие палки постукались друг об дружку.

Простояли долго, солнце успело уйти в закат, но худой мальчик со сросшимися бровями начал потихоньку оседать, пока не свалился. Парни подбежали, как гепарды к добыче, и с рвением стали избивать. В глазах месть. Ведь их тоже изби-

вали палками. Клану отомстить не могут, часть его, значит, отомстят новичкам. Замкнутый круг можно разорвать снаружи, либо изнутри, но не когда ты являешься частью круга.

Следом упал светловолосый мальчик, парни разделились. Через час упал ещё один.

Пришёл вояка.

– Закругляйтесь, – холодно сказал он.

Один из парней довольно улыбнулся, другой же яростно колотил, прыгай от одной живой груше к другой.

– Довольно! – крикнул вояка.

Парень с ненавистью взглянул на вояку, но через мгновение опустил голову.

– Вы свободны. А вы... первое, что надо уметь, это стоять. Будь вы воином или трудягой, стоять надо уметь. А когда упадёшь, помнить, что будет больно. Я, Жерор, мы будем видеться каждый день. А теперь отдыхайте.

Мальчишки повалились в кучу, прерывисто дыша. Но рыжеволосый остался стоять.

На следующий день пришёл великан. Мальчик в том же состоянии, но мир уже не заглушённый. Великан подхватил мальчика и унёс. Переходной коридор прямой, как линейка, и тёмный, как ночь.

Комната тянется, как резинка, везде стоят столы со светильниками и ограждениями в виде клеёнки.

Великан положил мальчика на стол, ремнями закрепил конечности и голову. Подошёл Доктор в белом халате и мас-

ке. Видны лишь полубезумные глаза.

– Риктор, давно не виделись, – сказал Доктор, рывками вздыхая между словами. – Неужели ты взялся за старое... ну да ладно. Давай посмотрим... открой рот. Посмотри-ка, какие зубы, длинные, заострённые, белые... неестественный цвет. Странно как они не мешают говорить. Как твоё имя?

– У него нет имени, – сказал великан

– Есть, – против воли, на злобу, ответил мальчик.

– Нет.

– У меня есть имя! Меня... Ре-н-аром... я, Ренар.

Великан долго смотрел мальчику в глаза, пока не кивнул.

– Так, – продолжил осмотр Доктор, – ну... больше ничего интересного нет... волосы только. Для этих краёв не совсем... редкие очень. А так, всё в порядке. Можете, как говорится, ломать. Ха-ха-ха.

– Что с клыками? Вырвать? – с равнодушием спросил великан.

– Мммм... я бы этого не делал. В конце концов, коту тоже нельзя выдирать усы. Ха-ха-ха.

– Функциональность?

– Да всё в порядке. Он с рождения с ними. Привык уже. Других же не знает. Ха-ха-ха. Ладно... да с ними даже лучше, оружия больше. Ха-ха.

Доктор черканул по руке мальчишка ножом, в чашу потекла бордовая жидкость.

– Хм... на варенье похоже, так бы и слезал. Ха-ха-ха, –

Доктор накапал в чашу воняющей жидкости. Забурлило, пошли розовые пузырьки. – Хм... странно. Очень странно. Я такое в первый раз вижу. Думаю, его чем-то пихали, чем-то... новым. Пока мне неизвестным. Ведь алхимия не стоит на месте! Эх, вот бы мне людей побольше, да приборов... я бы тогда...

– Что с телом? – спросил великан, рывком повернув голову к Доктору.

– Да в порядке всё. На поверхностное выявление признаков нет. Вскрывать надо. Ха-ха-ха. Кровь только... думаю, будет небольшие... эффекты. Незнакомые нам. Лучше поменьше вводить препараты. Мммм... лучше вообще не вводить, пока я не найду... ммм... похожую кровь или эффекты, дающую такую кровь, – Доктор понюхал содержимое чаши, краешек языка проник в бурлящую жидкость. – Мн-мн-мн... хм... А что насчёт Крейта? Он кастрацию предлагал. Я инструменты уже приготовил. Ха-ха-ха. У-аха-ха. Ууууу. Ядрёная, – Доктор отхлебнул пол чаши.

– Фовон против.

– Ммм, а жаль.

Великан отнёс мальчика обратно, в клетку.

– Я убью тебя, – тихо сказал мальчик.

Риктор смотрел минуту на безэмоциональное лицо мальчика, пока не кивнул.

Ночами было холодно, сквозняк гулял по тёмным коридорам, как полноправный хозяин. Сырость скапливалась в уг-

лах, на стенках. Мальчишек подвешивали к стене вверх ногами, избивали, но рыжеволосый не обращал внимания ни на что, кроме своего внутреннего мира

Время остановилось. Когда окружение перестаёт меняться, а темнота скрывает неизвестность, начинаешь думать, что попал в вязкий временной клубок, который никогда не распутается. Когда вместо живых, добрых звуков слышишь стоны, хрип, плач, маленькие молитвы, а тело ломит от одной позы, перестаёшь воспринимать время. Наверное, это ад.

Факельщик прошёлся, стуча по клеткам.

– Время жрать!

Брали по двое ребят. На поле ставили два столба с крюками в круге, создавая арену. На мальчишек одевали железный ошейник, а цепь прикрепляли к столбам. В центр клали кусок чёрствого хлеба.

За боем смотрел только Жерор, медленно расхаживая, держась за подбородок. Никаких правил, всё, на что способна фантазия мальчиков. Кто-то не двигался с места, смотрел, как затравленно едят. Через несколько таких приёмов пищи он, обессиленный, с больным, гудящим телом, срывался на привыкшего к лёгкой победе противника. Кто-то просто медленно хирел, не принимая боя. Таких уводили, и их больше не видели. Кто-то дрался за плохую еду, как безумный зверь, до потери сознания, до оторванного уха и дальше. Рыжеволосый мальчик относился ко вторым.

Воду же давали в обилии. Сбрасывали десяток ребят в крутящийся бассейн с мутной водой. Мальчики захлёбывались, кричали, кто-то не умел плавать. Их старались поддерживать, такие же мальчики, кто подороже и сострадательнее, но многие тонули.

Вопить, орать, захлёбываться слезами в клетках разрешалось, что и делали слабые духом. Дикий холод скукоживал мысли, кожа становилась гусиной, ломающееся от одного положения тело переставало ощущаться.

Когда поголовье сократилось, когда в темноте стали раздаваться лишь редкие вдохи. Разбитые, еле державшиеся живые останки перевели в чистую, светлую комнату с мягкими, опрятными кроватями. Глаза, привыкшие к крошечной тьме, где виднелись лишь очертания, восприняли свет, как зло. Зрачки не захотели расширяться.

Еда поменялась на бульон с кусочками овощей и серую кашу. Воду давали в ограниченном количестве и по расписанию. Физические упражнения были каждый день и проходили по несколько часов без передышки. Они выпытывали страхи и применяли их, чтобы сломать грань. Кидали в яму со змеями, оставляли в темноте наедине со скрежетом, затаскивали на высоту, засовывали в клетку с пауками. Они делали многое, чтобы поломать психические границы растущего мира ребёнка.

Многие дети ещё помнили родителей. Они кричали и молились, чтобы их спасли, вернули обратно. Захлёбывались в

слюнях и соплях, вопили до дрожи тела. Но проведя в истерике несколько часов, поняли, что это не поможет. Что ни мама, ни папа не придут, не вытащат на свет солнца. Опустошённость заползла в голову. Оставался один путь.

Жерор вошёл громко ботая в длинную комнату с плоскими светильниками на потолке. В два ряда кресла с мальчиками, за кожаными спинками мужики в чёрных масках и с прозрачным пакетом в руках.

– Забудьте о сожалении, здесь это не работает, – сказал Жерор, шагая взад-вперёд. – Вы выжили не потому что сильные, а потому что дикие, необузданные. Вот такие нам нужны. Готовые съесть соседа, если это спасёт шкуру. Вторая задача: дышать. Надо растянуть полученный воздух на пять минут. Ну, а кто не сможет – умрёт.

Мужики накинули пакеты на головы и затянули, мальчики глядели сквозь прозрачную плёнку на свет длинных светильников, на чёрные маски.

Рыжеволосый мальчик закрыл глаза, сосредоточил внимание на дыхании. Нужно успокоить сердце и лёгкие, не паниковать, вдохи сделать малыми, медленными, как улитки. А теперь подумать о хорошем, добром, светлом. Он даже косо улыбнулся.

На третьей минуте дыхание стало горячим, как пар. Кислорода в воздухе осталась капля. Лёгкие рвутся сделать больше вдохов, мозг понял, что смерть близка. Мальчик пытался уговорить серого успокоиться, но получилось плохо. По-

следнюю минуту он провёл с глубоким вдохом в груди и гудением в ушах, когда пакет сняли, взор мутно глядел наверх. Постепенно шум стих, и обыденные звуки заиграли красками.

По соседству расслабленное тело с пеной у рта. Не вытерпело несколько. Жерор деловито оглядел трупы.

– Дыхание: это всё. Вы можете не есть, не пить, можете терять кровь, но без воздуха вы никто. Куча мяса и костей. Надо укреплять корни, а не кончики веток. Усил...

Лысый, безбровый мальчик, считавшийся трупом, закашлялся, дико всосал воздух. Жерор повернул голову в сторону шума, глаза строго загорелись, увидев мальчишку, хищно улыбнулся.

– Имя?

Мальчик быстро задышал, глаза испуганно посмотрели на Жерора.

– Баз-зиль...

– Не знаю, разум ли решил, что помирать рано или ты решил не покидать нас, но оттуда мало кто возвращается. И ещё меньше тех, кому это надо.

В течение трёх дней кожа обрабатывали чёрной жидкостью, похожей на дёготь. Кожа горела после каждой обработки и краснела. Она потеряла гладкость, чувствительность и посмуглела, но у рыжеволосого цвет остался прежним. Осязание осталось лишь на внутренних сторонах ладоней, кончиках пальцев, шеи, губах.

Рыжеволосый провёл ладонью по шершавому предплечью, дотронулся, будто до чужого лица, заплакал. Он плакал тихо, беззвучно открывая рот, подбородок дёргался, как в конвульсиях. Потерять одно из главных чувств навсегда – ужасно, не справедливо, погано. Слезы слегка помогли очиститься, освободиться. Он не плакал со случая на берегу.

Их расселили, вместо длинной комнаты, как в казармах, отвели по маленькой комнатушке с оконцем у потолка. Кровать плоская, без подушки. Лежишь будто на доске.

Эти люди узнали любимых животных мальчиков. В маленькой стальной комнате оставался мальчишка, нож и животное. Час на раздумье. Рыжеволосому достался щенок. Сознание наполнилось искрящей болью.

– Я не буду этого делать! – закричал мальчик.

Через несколько минут окошко в двери открылось.

– Не будешь убивать? – спросил Жерор.

– Нет.

– Тогда ты умрёшь.

Мальчик остановился, голова готова взорваться от страданий, мыслей, слов. Чтобы человек делал страшные вещи, он должен перейти страшную черту, перейти себя. Он тихо сказал:

– Хорошо.

– Глупец! Здесь нет места состраданию! Ты уже должен понять... Время ещё есть. Совет: не думай, а делай. Так легче. Твоё сердце изначально каменное. Чувствуют не сердце.

цем, а мозгом. Это он придумывает боль, как свою, так и причинённую. Не подумай о страданиях, что принесёшь – не узнаешь о них.

Окошко захлопнулось. Мальчик натянулся, как струна. Сознание взревело, посыпались искры, молотящая ненависть постучала наружу.

Риктор подошёл к облокотившемуся о колонну Жерору.

– Как мой? – спросил он.

Жерор удивлённо взглянул на будто выточенное из стали лицо.

– Что с тобой? Ты не за одного не переживал...

– Я хочу, чтобы этот вырос.

Жерор глянул по сторонам, неприветливо на Риктора.

– Знаешь, вся это система давно прогнила. Первое поколение было лучше, достойнее и больше.

– Поэтому осталось так мало? Лучше делать это самим, чем скормливать монстрам.

– Да мы растим чудовищ! Зверей! Они ничего не понимают... их заботит только выживание и выполнения заданий, убийства Мы выращиваем монстров, чтобы убить других монстров...

– Это и есть наша идея.

– Ты пёс! Собака Крейта! Вылизываешь ему зад! Ваши методы уродски! И вы...

– Фовон глава.

– Да он никто! Никто!

– Он не принял кастрацию.

– Тогда бы его уже не было, как и вас. Цена и так большая, а вы хотели поднять планку выше? Не бывать этому! – Жерор приблизил взвинченное лицо к равнодушному, железному лицу Риктора. – Передай этой твари, Крейту, я оторву ему руки, и это будет только начало, – он прокашлялся и сменил тон. – Всё зависит от него, но он силен. Выживет, если сможет перебороть иллюзии.

Мальчик всё обдумал и решился. Он проиграл все возможные сцены в голове. Удачных нет. Сомнения донимали лишь несколько минут после ухода Жерора, но дальше было легче. Что-то невесомое отделилось, летает над плечом. Уверенность в действиях возрастает с каждой минутой, хотя шансов на хороший исход нет.

Когда время истекло, дверь с лязгом открыли. В комнату вошёл мужчина в чёрной маске. Мальчик спокойно сидит, нож лежит рядом. В ногах катается кутёнок. Мужчина резко задёргал головой, рассматривая живое животное.

Мальчик вскочил, схватил нож, воткнул в бок надзирателя. Мужчина сделал два шага назад, тело свалилось в угол. Мальчик взял притихшего щенка, пошёл по пустому коридору, озираясь назад. Тяжёлая железная дверь в конце медленно открылась, Жерор вошёл, как корабль в бухту.

– Неплохой выбор, – сказал Жерор, двигаясь на мальчика.

Глава 5

Миранда не видно, ходит, громко топая, но создаётся ощущение, что он повсюду. В круге света привязанный к стулу сидит избитый мужчина.

– Командир леруйского отряда, – сказал Миранд. – Гордый, сильный, независимый от остальной армии, псиной армии.

Клос поднял избитое лицо, он не чувствует правого глаза, резкий свет видится через щёлочку, лицо похоже на лепёшку.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Клос, еле двигая языком.

Миранд захохотал.

– Что я хочу? Что я хочу... а что я могу хотеть, командир? Что я, сын грязной свиньи, могу хотеть?

– Кто ты?

– Ты даже не помнишь... леруйский отряд, ваши песни засели в голове навечно, твой голос, командир, навечно. Уже не выгнать, не вытравить, не спалить. Я всё видел, всё слышал, всё помню. Как вы всем скопом забавлялись с моей женой на глазах моего сына и на моих. Как выжигали им глаза...

Клос задёргался, пытаясь освободить путы. Миранд зловеще захохотал.

– Нет-нет, командир, у тебя уже был шанс, но ты не воспользовался, решил не тратить время на поиски выродка, очередного фермера. Но знаешь что самое смешное, командир?

Клос сглотнул, облизал обсохшие губы.

– Я хочу пить, – сказал он.

Миранд открыл фляжку, полил ему на лицо, Клос пытался глотать, но вода заливала, словно водопад.

– Видишь? Я не скуплюсь.

Клос отдышался, сглотнул.

– Что с моими людьми? – спросил он.

– Со скопом, который захватил Торрас? Ничего, они лишь потеряли командира. Но ты ведь помнишь леруйский отряд? Он остался только в воспоминаниях жертв, криках, отряд остался позади. И как последняя звезда на небе, остался командир погибшего отряда. Это так... удовлетворяет. Ты вряд ли поймёшь мои чувства.

– Всё не так, как ты говоришь. Я никого не убивал.

– Правда?

– Да.

Миранд выскочил из темноты, с удара уронил Клоса на пол.

– Хоть сейчас я и сдерживаюсь, чтобы не порвать тебя на мельчайшие кусочки, не стоит этим злоупотреблять.

Клос отхаркнул кровью, выплюнул зуб. Миранд поднял стул.

– Знаешь, – сказал Миранд, – тебе бы стоило что-то сделать с волосами, раз ты занимаешься такими плохими делами. Седой цвет довольно редок.

Клос поднял невидящее лицо, свет, как сквозь пелену, режет глаза.

– Ты видел меня в тот день? – спросил Клос. – Я не понимаю, о чём ты говоришь, я был командиром леруйского отряда, но мы никому не выжигали лица, мы были частью армии соединённых городов.

– Ты хочешь сказать, что мои глаза обманули?

Миранд вышел на свет, показал лицо, обожжённое, со страшным шрамом.

– Ты хочешь сказать, что это не ты сделал это? – спросил Миранд.

– Я ничего не вижу, мутно.

– Хорошо я постарался, правда? Привыкай, теперь ты будешь вечно страдать, но даже тогда познаешь мою боль лишь наполовину.

Клос услышал удаляющиеся шаги.

– Почему просто не убьёшь? – спросил он.

Миранд остановился, обернулся.

– Что? Отпустить тебя вот так просто? Ты не достоин этого, ты обязан заплатить за гнусные поступки. Ты не умрёшь, пока не выплатишь кровавый долг.

– Я никого не убивал! – закричал Клос, открыв рот до треска в разбитых губах.

Дверь со скрежетом закрылась, Клос остался один в холодном помещении, но тело горело, как и в груди. Он попытался разорвать путы, но верёвки лишь порезали запястья, запрыгал в истерике, напрягая все мышцы, выжимая до последней капли, чтобы высвободиться, но лишь упал. Он вздохнул, хотел заплакать, но распухшие глаза, больше похожие на сливы, не позволили. Он успокоился, затих, не думая.

Сон пришёл, как солнце после ночи, красочный, с прохладным ветерком, развевающим листья. Дом на холме, пасущийся скот на лужайке, зелёный лес вдалеке.

Отряд воинов идёт через лес по кривляющейся дороге. Парень с высокими скулами смотрит, как на ветке сидит белка, грызёт орешек, фыркает.

– Патр, хватит считать белок, смотри по сторонам.

– Командир, а зачем мы вообще сюда идём?

– Патр, я уже объяснял, ты забыл?

Широкоплечий угрюмый воин легонько пихнул Патра.

– Простите его, командир, учиться же только.

Клос усмехнулся.

– Не вступайся за него, Рогр. Он должен постоять за себя, не зря же вступил в леруйский отряд. Ну, Патр, скажи, зачем мы сюда идём.

Рогр грозно на него смотрел, остальная часть отряда, будто даже не слышала разговора, лишь изредка вздыхала.

– Проверить обстановку и настроение народа, нахождение и устранение противника.

– Будем считать, Патр, что ты сказал всё правильно, а теперь смотри по сторонам.

Воин со скользким лицом и бегающими глазами подкрался к Клосу.

– Командир, – сказал он шёпотом, – а ты им не рассказал, что мы будем должны сделать, если увидим что-нибудь... плохое?

– А почему так тихо, Каннис? – спросил Клос. – Раз уж зашёл, говори громко, чтобы слышали все. Мы ведь одно целое.

Каннис прочистил горлом, проглотил слюну, раскинул руки.

– Господа, мы идём сжигать деревни, прогонять селян с земли, и убивать.

– Если потребуется, – сказал Клос. – Но в целом всё так. Леруйский отряд создан для того, чтобы прерывать операции противника внутри, инициировать зачистки, убирать лишнее.

– Слышишь, парень? – спросил Каннис, свистнув.

Патр оглянулся.

– А?

– Говорю, ты готов протыкать селян? Вспарывать животы, отрубать руки?

– Хватит, – сказал Рогр.

Каннис поклонился, помахав ладонью.

– Как скажите, – сказал он.

За лесом следовал дом на холме. Картинка оборвалась, за-

тряслась, замелькали маленькие кусочки. Клос ухватил перед полной темнотой плотный и длинный кусок: девушка с длинными золотистыми волосами стоит в проёме, облокотившись на него, мальчик держится за её подол, сзади видна движущаяся фигура.

Клос резко открыл глаза. Он сидит привязанный к стулу, свет, как из прожектора, падает, создавая круг. В темноте раздаются неспешные, но грозные шаги.

– Какое у тебя самое любимое животное? – прозвучал в темноте голос. – Я всегда обожал тигров за их ярость, за готовность всегда дать бой, разорвать противника в клочья. Но в последнее время я всё чаще обращаю внимание на пауков, они ловят жертву, а потом постепенно высасывают жизнь, пожирают. Это так... неестественно. Медленно, расслабляюще...

– Паук не животное, а насекомое.

– Правда? Разве это играет какую-то роль? Как не называй, это ничего не изменит.

– Для них да.

– А для тебя? Разве что-то поменяется, если назвать стену полом? Думаю, нет.

– Зачем ты это делаешь? Я же чувствую, что ты остыл. Зачем ты продолжаешь...

– Остыл? Нет-нет, я лишь сдерживаю зверя внутри, чтобы не отказать в зрелище. То, что ты сделал, никогда не сможет остыть, ты причинил мне дикую боль, которую невозможно

забыть. И ты заплатишь.

Клос почувствовал, как с руки срезали кусок мяса. Он истошно закричал, зашатав стул, но путы держат крепко.

– Это лишь начало, привыкай к страданиям, боль будет сопровождать тебя теперь постоянно. Ты никуда не сможешь сбежать от неё, теперь поймёшь, узнаешь четвертинку той боли, которую причинил мне.

Клос сжал челюсти, ноздри расширились до предела, одинокая слеза скатилась по лицу.

– Отдыхай, скоро тебе понадобятся силы.

Клос услышал удаляющиеся шаги.

– Я выберусь отсюда! Слышишь?! Я выберусь и отомщу!

В этот раз Клос не засыпал, не пытался. Ноющая боль не дала сосредоточиться, кровь засохла, образовав корку.

В бесконечной темноте начала приближаться картина, сухая, неподвижная.

Каннис упёрся в дверь, держа меч наготове, Рогр стоит у окна, стреляя из лука, Патр тягает стол.

Будто по щелчку пальцев картина разморозилась.

– А, командир, неплохо мы встряли да? – ехидно спросил Каннис.

В дверь врезали с такой силой, что он отлетел, но через секунду вновь кинулся сдерживать натиск. Снаружи бушует толпа, слышатся возбуждённые крики.

– Их, наверное, несколько сотен, – с натугой сказал Патр.

– Лучше бы тащил быстрее, – сказал Каннис.

Вечно молчаливый Гулак в одиночку пододвинул шкаф. Каннис отошёл от двери, шкаф, как стена, запечатал вход.

– О, спасибо. Учись, парень, будешь самым-самым.

– Ещё стол, – сказал Клос.

– О, командир проснулся.

Каннис подлетел к столу, упёрся, словно в валун, но медленно начал сдвигать.

– Ты вообще двигаешь? – надув щёки от напряжения пробубнил Каннис.

Патр кивнул. Столом припёрли шкаф, но даже так проходили толчки.

– Мде, надолго не поможет, – почесав голову, сказал Каннис. – Что будем делать, командир?

Камень пролетел через окно, рассёк губу командиру. Рогр выпустил стрелу, раздался крик. Клос утёр рот от крови, прощупал рану.

– Пора показать, что такое леруйский отряд, – зловеще сказал он.

Каннис расхохотался, забил по коленям. Патр пугливо посмотрел на командира, Рогр пускал стрелу за стрелой, не обращая внимания, Гулак, как всегда, промолчал.

– Прорываемся в правое крыло, к Доллеру, – продолжил командир, – создадим единый кулак, а потом разобьём этих деревенщин. Сегодня они познают кровь на губах.

Клос двинулся вперёд, за ним, по молчаливому приказу, двинулись остальные, образовав наконечник. Из сосед-

ней комнаты раздался треск дерева, топот, шум. В коридор с криком бросился бородатый мужик с топором. Клос выдернул меч, с перекошенным от злости лицом кинулся в атаку.

Бородач размахнулся топором с такой силой, что воткнул в стену наполовину. Клос нанёс удар снизу вверх. Мужик схватился за красную полосу, начинающую расходиться, будто пытается замедлить это. Он рухнул через секунду, Клос переступил через труп. Каннис с интересом глянул на растекающуюся кровь, брезгливо перепрыгнул. Гулак и Рогр даже не посмотрели на что наступают, Патр глядел на труп широко раскрытыми глазами, но через пару секунду двинулся за командиром.

– Неплохо, командир, неплохо, – сказал Каннис. – Вам бы всегда злым быть.

– Отвечай за себя, – угрюмо сказал Рогр.

– Только не говори, что боишься.

– Я и не боюсь.

Стрела пролетела через несколько комнат, воткнулась Клосу в живот, сбив с ног. Каннис бросился к командиру, прижал рану. Клос почувствовал во рту кровь, медленно заморгал.

– Командир! Командир! – закричал Каннис. – Прекрати! Не спи!

Каннис затряс его, но Клос закрыл глаза.

Темнота вокруг, окружает, как воздух. Круг света падает, как снисхождение или кара. Клос бессильно мотнул головой,

приоткрыл глаза.

– А ты рассказывал солдатам, что служил в леруйском отряде? – спросил Миранд, бродящий во тьме. – Мне интересно, как бы они отреагировали, узнав, что ты избивал женщин, насиловал, резал, как свиней, мужей. Даже не чужих, своих, на своей земле. Всегда ненавидел вас, шавок. Нет никаких понятий о чести, о честном бое, для вас война очередной раз показать, что вы сброд, недостойный жизни.

– Забавно, я думал, что южане ничего не умеют, кроме, как пить вино и жрать виноград.

– Я вырос не на юге, но в пределах империи. Здесь нет винограда и вина. Хотя кому, как не тебе, знать, где я жил, кем был. Ты ведь сломал, изувечил всё, что было мне дорого.

– Значит, ты не южанин?

– Нет, но я воевал за них, душил зелёных, ловил, протыкал. Ты не представляешь, какое удовольствие получал, когда видел их глаза в последний миг, лица, пыжащиеся, красные, как задница обезьян. Я помню, как руки сжимали шею, продавливали плоть до крови, как выдавливали глаза...

– Ты псих... безумец... монстр...

– Безумец?! Это ты! Ты во всём виноват! Ты создал меня! Ты! Я жил простой жизнью и ценил семью, но ты всё разрушил, а теперь не хочешь за это отвечать?! Ты создал монстра, а теперь отрекаешься от меня? Только я не хочу просить в слезах своего создателя о защите, пощаде, прощении, я измучаю своего создателя до кровавых слёз и соплей, а в

конце вырву сердце. Я заплачу долг, который простоял и так слишком долго, создатель.

Клос почувствовал, как по спине проползло что-то тёплое, с каждым мгновением оно нагревалось, пока не стало прожигать плоть. Клос завопил так громко, что от стен отскакивала вибрация. Миранд тихо, спокойно хохотал.

Отряд поднимался на холм. Семья скрылась в доме, закрыв дверь. Патр глядел на пасущихся коров.

– Парень, – сказал Каннис, – смотри под ноги, а то нос размажешь.

– Я... просто у меня дома коровы считаются дарительницами жизни, я давно их не видел, а я люблю молоко.

– Ты уже не дома. Это уже совсем другая жизнь, парень. Всегда хочется затащить старьё, сказать: моё! Но это плохая идея.

– Он прав, – сказал Рогр, – привыкай. Ты теперь один из нас, член леруйского отряда. А мы не считаем коров родительницами жизни.

Клос дотронулся до рукояти меча.

– Слушайте, – сказал он, – нам нужно пополнить запасы. Парт, если хочешь, можешь залпом выхлебать хоть ведро молока, но никакой агрессии. Всех касается. Мы просим помощи, а не приказываем. Никакой злобы, размахивание мечей, похабных шуток или подглядывание под юбку. Всем ясно?

Отряд синхронно и громко согласился. Перед тем, как постучать в дверь, Клос мимоходом оглядел дом, занавешен-

ное окно.

– Не хотят видеть, командир, – сказал Каннис.

Клос постучал ещё раз, но настойчивее. Никто не открыл, не слышно даже шагов, разговоров или вздохов. Клос приложил ухо к двери. Тихий, приглушённый визг, мычание, плач. Клос вогнал плечо в дверь, но тяжёлая древесина не желала поддаваться.

– Рогр, выбей дверь, – сказал Клос.

Рогр вышел вперёд, разогнулся и врезал ногой, дверь слегка пошатнулась. Визг дошёл до той точки, когда крик превращается в ультра. Рогр остановился на секунду, ударил несколько раз в область ручки, отчего дверь открылась.

Клос вбежал внутрь. Девушка лежит лицом вниз под столом. Визг исходит из следующей комнаты, за могучей спиной. Видны лишь худые ноги мальчика. Хозяин обернулся, Клос увидел растянутый рот, безбелковые зрачки. Мужик бросил тело на пол, двинулся вперёд. Клос в последний момент заметил лицо мальчика, плоть слилась с железом, по краям краснота, в глазницах застыл металл.

Миранд дышал тихо, услышать трудно, если только сосредоточиться, не отвлекаться на ноющую боль в руке и на спине.

– Я всегда знал, что когда-нибудь это случится, ты будешь сидеть здесь, ждать своей участи, наказания.

Клос поднял залитое засохшими слезами лицо.

– Это ты! Ты их убил! Сжёл лица своей жене, сыну!

– Это неправда...

– Ты залил лица железом, убил мучительной смертью! Сначала жену, а потом под визги и ребёнка.

– Ты врёшь... этого не может быть. Я видел, что это сделал ты со своей сворой. Вы приковали меня к полу и заставили смотреть, как корчиться моя семья! Ты лжёшь! Нагло и неотвратно!

Клос повесил голову, тихо сказал:

– Правда на моей стороне.

Миранд швырнул столик в стену, чудовищно заревел.

– Ты лжёшь! Правда в том, что ты изнасиловал мою жену, мучил вместе с ребёнком, а потом сжёг лица! Вся твоя уродливая братия! Эти ублюдки получили по заслугам! Остался главный, коронный ублюдок! Стены и пол ждут, когда орошишь их кровью! Они так и просят! Слышишь?!

Миранд схватил голову Клоса, сжал.

– Слышишь?! – закричал он на ухо. – Ты сотворил чудовищное деяние и заплатишь за него не только своей жизнью. О, нет, ты отплатишь всем, что у тебя есть. Я высосу из твоей жизни всё хорошее, оставив только страдания.

Миранд ушёл в тень. Клос гневно посмотрел в след.

– Ты сошёл с ума, но не хочешь этого признавать! Ты измучил свою семью, но винишь меня в своём чудовищном поступке! Кто-то, кто наблюдает за ними, и видит сейчас, слышит, что ты говоришь, он мог бы подтвердить, что это сделал ты. Ты их убил...

– Заткнись! Заткнись!

Удар оглушил Клоса, перед глазами всё смазалось, закружилось, он почувствовал, как по подбородку катиться что-то тёплое.

– Ты грязная, лживая тварь! Убиваешь, насилуешь, мучаешь, а потом винишь других! Я был прав с самого начала... миру не нужны такие. Я избавлю его от лишней заботы.

Клос немного очухался, провёл вялым языком во рту, недосчитался почти всех передних зубов. Он поднял взгляд, его глаза загорелись, как красные угольки, полные ненависти. Последнее, что он увидел – разноцветные искры.

Каннис приложил два пальца к шее Клоса.

– Ну что? – спросил сзади стоящий Рогр.

– Живой, вроде.

– Вроде?

Каннис приложил руку к груди, пригляделся.

– Он дышит, – сказал он, – но без сознания.

Рогр сложил руки на груди, пожевал ноготь большого пальца. Клос еле заметно шевельнулся.

– Командир? – спросил Каннис, – Командир? Слышишь меня? Слышишь?

Клос медленно открыл глаза, спешно задышал.

– Где я? – слабым голосом спросил он.

– Всё нормально, командир, мы тебя вынесли. Помнишь, тебя ранили в живот? Так мы вытащили, промыли, перевязали. Скоро как новенький будешь. Мы в лесу.

Клос попытался встать, но Каннис остановил.

– Тихо-тихо, командир. Ты куда? Рановато ещё.

– Почему вас только трое? Где остальные?

Каннис щипнул нос, кашлянул. Рогр повернулся в пол оборота, Патр опустил голову.

– Командир, – сказал Каннис, – тут такое дело... в общем, нам пришлось уходить в спешке. Мы не смогли соединиться с другими, мы не знаем, где они.

– А Гулак? – слабым голосом спросил Клос. – Где он?

Каннис поднял палочку, сломал напополам, сложил, опять сломал, и так, пока не остались маленькие кусочки.

– На нас напали, – сказал Рогр, – когда мы уходили. Селяне не захотели отстать, шли до конца. Нам пришлось отступать под обстрелом, сзади бежали селяне с топорами и вилами. Мы...

Он замолчал, отвернулся, зажевал губу.

– Гулака подстрелили в ногу, – сказал Каннис, – я подставил плечо, но нас нагоняли. Командир, сам понимаешь, с двумя телами нам было не до сражения, мы неслись, как трусливые зайцы. Хотели лишь выбраться оттуда, спасти тебя, Гулака. Но всё пошло в пропасть.

– Нам перегородили путь три всадника, – сказал Рогр, – сзади подпёрли селяне. Это было месиво. Нам бы не удалось выбраться, если бы Гулак не пошёл на селян, он отогнал их в одиночку, рубил, словно капусту.

– Да, – сказал Каннис, – он дрался словно лев против ша-

калов. Они окружили его, били со всех сторон, он отбивался, но, в конце концов, его ногу пронзили вилы, кисть срубили топором, он пытался отмахиваться, но волна людей его быстро поглотила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.